

ЗАПИСКИ КАВАЛЕРИСТА.

(Статья третья).

Есть славное, красивое мѣсто въ Молдавіи, въ верстахъ 20 отъ Яссы.

Широкая, просторная долина бѣжитъ тамъ отъ Карпатъ къ востоку, самыми прихотливыми извилинами, какъ будто ложе громадной рѣки. Быть можетъ, прежде это и было такъ; теперь же дол на настоящая долина, сухая, ровная, мѣстами и крытая густою травою, которая, впрочемъ, лѣтомъ и выгораетъ отъ жары. Тамъ и сямъ мелькаетъ ручей, бѣдный водою, жалкій остатокъ когда-то бывшей рѣки. Бока долины, громадные холмы, или, вѣрнѣе, горы, тянутся сплошною цѣпью, то понижаясь, то возвышаясь, къ самымъ Карпатамъ, образуя какъ бы два неровныхъ, гигантскихъ вала, съ большимъ широкимъ промежуткомъ, и составляющимъ самую долину. Эти горы только преддверіе Карпатъ. Нѣтъ еще рѣзкихъ очертаній; все въ нихъ какъ-то гладко и необыкновенно кругло. Мало лѣтомъ зелени въ долинахъ, еще меньше на горахъ. Изрѣдка пробивается она на бокахъ холмовъ, какъ волоса на дурно выбритой бородѣ. Общій же цвѣтъ и горъ и долины какой-то зеленовато-сѣрый, довольно мрачный, переходящій почти въ пепельный на верхушкахъ возвышенностей, по которымъ бѣгутъ бѣлыя дороги, то скрываясь, то появляясь вновь, то какъ будто висятъ на бокахъ холмовъ. По до-

линь также вьется дорога, рѣзко рисуясь на темномъ фонѣ. Около бѣднаго ручейка толпятся молдавскіе домики, которые ставятся гуще къ подошвѣ горы, лѣзутъ по ней вверхъ, перемежающиеся съ зеленью, со своими садами и огородами, и наконецъ на самой верхушкѣ раскидываются уже порядочнымъ селомъ. При вѣздѣ въ него, у дороги, виднѣется молдаванскій постоянный дворъ — большое, каменное, довольно красивое строеніе, съ огромными воротами. Неподалеку церковь, высокая, бѣлая и чистая, красивой архитектуры, съ каменной оградой. Отъ нея начинается господскій паркъ и фруктовый садъ, который идетъ въ гору, выше, выше, доходитъ до самаго барскаго дома, обхватываетъ его съ обѣихъ сторонъ и виднѣется сзади, за постройками. Нѣтъ почти зелени въ долинѣ, и на ближайшихъ горахъ; а сколько ея въ саду! Здѣсь и тополь, и букъ, и кедръ, и бузина, и дикій персикъ, и черешня, и липа; повременамъ выглядываетъ даже бѣленькая тоненькая березка. Одной сосны да ели не видать. Нѣтъ, кажется, двухъ деревьевъ одинаковыхъ: все различно и по формѣ листа и фигурѣ дерева. Нарочно кто-то садилъ, а умно: нѣтъ здѣсь монотоннато однообразія нашихъ садовъ. Каждый уголокъ сада не таковъ, какъ другой. Нѣтъ здѣсь гигантскихъ деревьевъ: садъ еще молодъ, недавно разросся; но видно, что все хорошо принялось и растетъ крѣпко, здорово и весело, какъ молодая натура, въ 18 или 20 лѣтъ, воспитанная не въ Петербургѣ, не въ душныхъ комнатахъ, надъ одною книгою, а на свѣжемъ воздухѣ, подъ любящимъ и умнымъ глазомъ родителей, которые, развивая челоуѣку голову, не забывали, вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣла.

Много зелени также и въ селѣ; только та постарше, чѣмъ въ саду. Около села и за оврагомъ, у сада, виднѣлись кукурузныя поля, которыя, казалось, выбирали, гдѣ мѣсто посырѣе. Кукуруза уже поднялась довольно высоко и густо; славная темная зелень ея рѣзко отдѣлялась отъ сѣрыхъ горъ. Приятно было смотреть на это мѣстечко издали. Еще далеко, далеко прежде всего открывалась бѣлая какъ стрѣлка церковь, которая такъ и сверкаетъ отъ солнца; а тамъ за нею дальше на горѣ большой, барскій двухэтажный домъ. И тѣшится глазъ, и какъ будто не хочется ему переноситься на сѣрую мѣстность.... И долго, долго смотришь на зелень, которая покрыла гору, укутала и домики, и церковь, и барскій домъ.

Еще рано, а солнышко уже жжетъ, изгоняя послѣдніе слѣды ночной росы. Мало влаги въ воздухѣ, вездѣ сухо и пыльно. Самая зелень вблизи кажется нѣсколько поблѣншею. Въ селѣ все встало и забѣгло. Вездѣ суетятся солдаты въ мундирахъ; сѣрыя шинели какъ будто исчезли. Скоро показались и офицеры: эскадронный командиръ, капитанъ Лиліенштернъ, два брата Кругликовыхъ и баронъ Штенгель. И они были одѣты какъ-то особенно щеголевато. Офицеры подошли къ хатѣ, стоявшей около самаго спуска съ горы. У хаты стоялъ распряженный тарантасъ, страшно запыленный. Около тарантаса суетился какой-то писарь не писарь, а человекъ въ форменномъ платьѣ, но духовнаго вида; военнаго въ немъ ничего не было.

— Что, батюшка всталъ? спросилъ у него Лиліенштернъ.

— Вставши, отвѣчалъ человекъ духовнаго вида, не прибавляя обычнаго «ваше благородіе» и взявъ своими пухлыми руками какой-то ящикъ въ тарантасѣ — Скоро пойдутъ въ церковь, прибавилъ онъ.

Офицеры молча пошли по дорогѣ, по направленію къ постоялому двору, откуда открывалась вся долина, которая бѣжала Богъ знаетъ куда въ даль, до самыхъ высокыхъ и далекихъ горъ, зубцы которыхъ виднѣлись на горизонтѣ. Молдаване также высыпали на улицу. Мужчины были всѣ въ бѣлыхъ, четкихъ рубахахъ, отороченныхъ красной тесьмой. На всѣхъ были широкіе, кажаные пояса и низенькія шляпы съ широкими полями. Женщины, также чисто одѣтыя, но всѣ простоволосыя и босикомъ, еобирались группами около хатъ. Все принимало праздничный видъ; никто и не думалъ о работѣ, хотя день былъ будній. Въ эскадронѣ, расположенномъ въ селѣ, былъ эскадронный праздникъ. Жители, ради любопытства и желанія придратъся къ случаю, также праздничали.

— Вахмистръ! крикнулъ Лиліенштернъ, возвращаясь опять въ глубину села.

— Сейчасъ, ваше благородіе! отвѣчалъ высокій унтеръ-офицеръ, обнажая свою лысую какъ колѣно голову и бросаясь бѣгомъ къ эскадронному командиру. — Что прикажете, ваше благородіе? спросилъ вахмистръ, останавливаясь предъ офицерами.

Это былъ человекъ высокаго роста, съ славной, типической фізіономіей стараго солдата. Смѣло, но не нахально, смотрѣли его добрые глаза; въ звукахъ голоса и ухваткахъ видно

было, что дисциплина у него въ крови. Пріятно было смотрѣть на эту почтенную лысую голову, которая такъ и блестяла на жгучемъ солнцѣ.

— Накройся, тихо и спокойно сказалъ Лиліенштернъ.

Вахмистръ надѣлъ шапку, но не козыремъ, а какъ-то глубоко насунулъ ее на голову, надвинувъ прямо на глаза. Въ немъ не было замѣтно претензій на солдатское щегольство, хотя онъ и былъ одѣтъ весьма чисто.

— Готовы ли люди? спросилъ Лиліенштернъ.

— Давно готовы, ваше благородіе!

— Такъ прикажи строиться и веди въ церковь. Батюшка сейчасъ прійдетъ.

Вахмистръ сдѣлалъ самый форменный поворотъ на лѣво кругомъ, щелкнулъ шпорами и удалился.

Скоро на улицѣ выстроился эскадронъ капитана Лиліенштерна.

Здѣсь все былъ народъ не очень высокаго роста, но и не маляго. Великоросійскій типъ сильно проглядывалъ во всѣхъ: крѣпкое, коренастое сложеніе, корпусъ, какъ-то плотно посаженный на погн, круглыя лица, сѣровато-краснаго цвѣта, отъ загара по большей части, бѣлокуріе волосы и голубые глаза. Большіхъ усовъ и бакенбардъ замѣтно почти не было, потому что это считалось принадлежностію лейбъ-эскадрона. Выдавались, впрочемъ, и здѣсь одна черная голова и черные, огромные усы, принадлежавшіе взводному вахмистру Головину; но онъ совершенно не подходилъ подъ общую эскадронную фвізіономію и потому у всѣхъ назывался цыганомъ. Черты лица у всѣхъ солдатъ были довольно мясистыя и крупныя. Виднѣлись два или три носа тонкихъ и длинныхъ; но это могло быть исключеніемъ. Курносыхъ не было вовсе. У всѣхъ рейтузы были немовѣрно натянуты, что означало, что солдаты собирались на торжество. Ярко вычищенные шпоры звенѣли немилосердно. Щегольство выражалось еще, кромѣ сильно натянутыхъ штановъ, необыкновенною чистотою мундировъ: видно было, что всякій скоблилъ свое платье донельзя. Казалось, что эскадронъ былъ одѣтъ необыкновенно щеголевато; а, между тѣмъ, мундиры на всѣхъ были свѣтло-зеленоватаго цвѣта, какъ у нашихъ птербургскихъ франтовъ, и ударяли на швахъ, смотря по опрятности, у кого въ желтоватый, у кого въ бѣловатый оттѣнокъ и

не имѣли ни малѣйшаго признака ворсы. У всѣхъ. безъ исключенія, шла черезъ плечо широкая полоса, у многихъ покрытая заплатами—свидѣтельство долговременнаго пребыванія погоннаго ремня отъ ружья. Шапками эскадронъ не франтилъ, потому что это не принято у кавалерійскихъ солдатъ и считается пѣхотною принадлежностію. Фуражки были у всѣхъ надѣты глубоко на голову, у иныхъ надвинуты на глаза, у другихъ—на самый затылокъ. Во всемъ, какъ мы уже замѣтили, была чистота изумительная. Эполеты на дежурныхъ блестяли такъ, что глазамъ больно. Солдаты между собою говорили очень громко и живо; задумчивыхъ или пасмурныхъ физиономій замѣтно не было.

— Иванъ Алексѣичъ! сказалъ старшій вахмистръ, вынимая изъ-за обшлага колета какую-то темную вещь яйцевидной формы и вытирая себѣ ею носъ.—Вещь эта была платокъ, скатанный въ видѣ гички, чтобы не занималъ много мѣста.—Что, продолжалъ онъ, поводя усами:—у васъ всѣ собрались?

— Что-то Ивановъ неидетъ, отвѣчалъ взводный вахмистръ, единственный худощавый мужчина во всемъ эскадронѣ.

— Да вы бы ему загревотъ-то поразгладили. Чтѣй-то копаются солдаты! Пушай не опаздываетъ — всякъ должонъ свой часъ соблюдать.

— Да я своими собственными глазами видѣлъ, Прохоръ Абрамычъ, какъ онъ одѣваться чуть не на зарѣ сталъ. Я и не сумѣлъ, что онъ раньше всѣхъ поспѣетъ.—Ивановъ! вдругъ крикнулъ взводный вахмистръ.

Изъ ближайшей хаты показался молодой солдатъ, красивый и здоровый; на лицѣ у него было написано чуть только не отчаяніе. Онъ дѣлалъ страшныя усилія застегнуть нижнія пуговицы; но мундиръ не подавался.

— Что копаешься? Ахъ ты колпакъ! заговорилъ ему старшій вахмистръ:—вишь, эскадронный командиръ идетъ, а онъ, какъ на показъ, брюхо выставилъ!

Все это говорилось не сердясь. Видно было, что вахмистръ ласковаго свойства человекъ.

— Смотри, Ивановъ, кашу выжмешь: вишь, налопался! острили солдаты въ эскадронѣ.

— Цыцъ, вы, поросята! хладнокровно унялъ ихъ вахмистръ.

— Не могу, дядюшка! слезливымъ голосомъ и разводя руками, говорилъ, между тѣмъ, Ивановъ.

— То-то не могу! серьезно сказалъ вахмистръ, подходя къ нему и пробуя застегнуть мундиръ, но, видя, что это безуспѣшно, хлопнулъ Иванова слегка, скорѣе въ видѣ одобренія, подъ затылокъ, прибавивъ:—ну, пошелъ и такъ въ свое мѣсто.

Солдатъ бросился со всѣхъ ногъ.

— Смирно! скомандовалъ вахмистръ.

Все смолкло и вытянулось, а онъ самъ сталъ на правый флангъ и снялъ шапку. Приближались эскадронный командиръ и офицеры. Смѣло, бойко и довѣрчиво глядѣли люди въ глаза начальнику. Никто бы не замѣтилъ здѣсь ни страха, ни унынія, ни одной забитой фигуры; все смотрѣло весело, все дышало жизнью, хотя не было слышно ни одного звука, не примѣтно ни малѣйшаго движенія. Любо было поглядѣть на эскадронъ, на эти здоровыя, молодыя фигуры, даромъ что всѣ были одѣты въ вытертые, толстые мундиры, цвѣта веръ-де-помъ.

Лиліенштернъ медленно приближался, своею обыкновенною походкою, немного сдвываясь то на одну, то на другую ногу. Видно было, что хотя онъ и привыкъ къ веселымъ и открытымъ лицамъ своего эскадрона, но не безъ особеннаго удовольствія глядѣлъ на него всякій разъ, когда онъ въ сборѣ.

— Здорово, молодцы! спокойно и довольно тихо сказалъ капитанъ, медленно крутя всею рукою свой огромный усъ и нѣсколько наклонивъ голову.

— Здравія желаемъ, ваше благородіе! громко, какъ одинъ, отвѣтили всѣ.

Раскатомъ, какъ громъ, раздался голосъ цѣлаго эскадрона и отозвался далеко въ долину.

Едва замѣтная улыбка пробѣжала по серьезному лицу Лиліенштерна; но одни глаза, его добрые, славные глаза, пэмѣняли его суровой наружности: что-то нѣжное блеснуло въ нихъ. Капитанъ любовался своимъ эскадрономъ и былъ доволенъ имъ, и эскадронъ еще довѣрчивѣе, по прежнему, безъ страха, бойко и смѣло глядѣлъ на своего командира.

— Надѣнь шапку, вахмистръ! сказалъ Лиліенштернъ и прибавилъ:—вольпо!

Эскадронъ зашумѣлъ, заговорилъ. Сдержанный говоръ еще сильнѣе разразился, чѣмъ прежде, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ офицеровъ.

— Вотъ батюшка въ церковь пошелъ, сказалъ младшій вахмистръ, показывая на священника, переходящаго дорогу, въ со-

провожденіи челоѣка духовнаго вида, но въ форменномъ платьѣ.

— Что это никто не ѣдетъ? замѣтилъ Лиліенштернъ.

— Ёдутъ, ваше благородіе, вонъ тамотка, подъ горой, сказалъ одинъ солдатъ, обращаясь къ капитану.

— Гдѣ?

— Да вонъ, вонъ, ваше благородіе! заговорило нѣсколько голосовъ, и нѣсколько рукъ поднялось въ одномъ направленіи.

Лиліенштернъ прищурилъ глаза, всматриваясь вдаль, но не могъ разглядѣть ничего.

— Ну, у васъ глаза-то получше, сказалъ онъ: — я такъ ничего не вижу.

— Нѣтъ, ёдутъ, дѣйствительно, сказали братья Кругликовы, которые также оба смотрѣли въ долину.

— А, вижу, вижу и я, отвѣчалъ Лиліенштернъ.

Въ самомъ дѣлѣ, внизу, въ долинѣ, показалась на дорогѣ пыль отъ нѣсколькихъ троекъ и паръ, ёдущихъ одна за другой. Скоро послышался шумъ колесъ, и нѣсколько телѣгъ и натычанокъ быстро, почти вскачь, стали подниматься на отлогую высоту мимо постоялаго дома. Черезъ минуту челоѣкъ десять офицеровъ и два юнкера окружили Лиліенштерна, и начались обоюдныя привѣтствія.

Пріѣзжіе были различныхъ чиновъ, отъ прапорщика до маіора включительно. Здѣсь были и худенькіе, и плотные, и даже одинъ толстый; были и маленькіе, и средняго роста, и одинъ тонкій и длинный, предлинный, съ маленькой нѣмецкой безусой головкой. Всѣ, сбросивъ съ себя походныя, запыленныя шинельки, остались въ однихъ сюртукахъ, болѣе или менѣе щегольски сшитыхъ, съ блестящими, коваными эполетами, которыя такъ и металы лучи въ глаза. Изъ широкихъ рукавовъ у многихъ виднѣлись очень бѣлыя и тонкія рубашки, съ золотыми пуговками, несмотря на походное время. Какъ видно, франтовство было сильно развито въ полку и что всякій, по возможности, старался придерживаться моды. Изъ пріѣхавшихъ бакенбардъ никто не носилъ (мода на нихъ появилась впослѣдствіи). За то усы были всякіе: у однихъ они были почти незамѣтныя, у другихъ достигали неимоверныхъ размѣровъ, какъ у маіора Зеленчука, у котораго доходили до второй пуговицы; у иныхъ усы торчали прямо, какъ иголки, у иныхъ кверху, у иныхъ книзу. Всякій, какъ видно, сильно занимался ими и любилъ

ихъ, потому что у всѣхъ, казалось, каждый волосокъ въ усахъ двѣ службы правилъ: до того всѣ усы были расчесаны и разглажены.

— Здорово, Юлій! Дай лапку! Какъ тебя перевертываетъ? говорилъ капитанъ Севрюгинъ, плотный, средняго роста мужчина, съ простой, довольно мясистой физиономіей и маленькими глазками: — здравствуй, дружище! говорилъ онъ, беря лѣвою рукою руку Лиліенштерна и щелкая по ней своей правой.

— Здравствуй, Финка! кричала ему еще издали рыжая, красная, какъ огонь, физиономія, съ сильно закрученными вверхъ усамн и бѣлыми, блестящими зубами.

Это былъ поручикъ Вороничъ.

— Наше вамъ почтеніе, Юлій Петровичъ! съ праздничкомъ! какъ Господь Богъ милуетъ? говорила превысокая, мохнатая и сѣрая фигура, наклоняя впередъ все туловище и отставляя часть тѣла, пониже поясины. Это былъ нашъ старый знакомецъ Егоръ Филипычъ Дулинъ.

— Здравствуйте! здорово! Bonjour, Capitaine! летѣло совсѣхъ сторонъ.

Хозяева перездоровались наконецъ со всѣми. Начались обходные расирасы. Оказалось, что все-таки нѣсколько человекъ не пріѣхало и что нѣкоторые изъ нихъ не будутъ.

— Ну, Богъ съ ними! сказалъ Лиліенштернъ: — полѣнились, такъ и я къ нимъ не поѣду ... Однако, батюшка уже въ церкви, пойдемъ и мы.... Вахмистръ! веди эскадронъ.

Стройно, въ тактъ, гремя шпорами и разставляя ноги, чтобы не отдавить другъ другу пятокъ, двинулся эскадронъ и потянулся по дорогѣ къ церкви и, какъ огромный, короткій червь, изогнувшись, скрылся за оградой. Вскорѣ на церковной лѣстницѣ показались солдаты, ломая шапки и входя быстро одинъ за другимъ въ двери. Офицеры цѣлою толпою тронулись за эскадрономъ. Сзади всѣхъ остались молодой Кругликовъ, котораго звали всѣ Жоржинька, и юнкеръ Лазаревъ, слышій въ полку подъ именемъ Вариньки, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, а на видъ тринадцати или четырнадцати. Кругликовъ и Лазаревъ, какъ молодые козлятки, возились уже другъ съ другомъ, чуть только не вступая въ драку.

Хороша была молдаванская церковь. Богато и красиво была она отдѣлана внутри, и, не поглядѣвъ на боковыя слѣны, нельзя бы было и подумать, что находишься не въ русскомъ храмѣ. И

алтарь, и иконы, и клиросы, — все такъ же, какъ и у насъ, только по сторонамъ церкви были устроены высокія перегородочки, въ видѣ цѣлаго ряда узенькихъ шкаповъ, безъ дверецъ. Эти мѣста предназначались для странствующаго чернаго духовенства, котораго въ Молдавіи очень много. Да еще направо, поближе къ алтарю, привѣшена была къ стѣнѣ разукрашенная и роскошно отдѣланная маленькая ложа, въ видѣ балкона, съ княжескимъ гербомъ — княжеское мѣсто владѣтелей и строителей церкви, князей Кантакузиныхъ. Къ ложѣ вилась узенькая разозолоченная лѣстница.

Церковь вся наполнилась народомъ. Всю внутренность ея отъ дверей занималъ эскадронъ. Впередѣ стояла группа офицеровъ; въ шкапчикахъ торчало нѣсколько черныхъ фигуръ молдаванскихъ монаховъ, въ низенькихъ, приплюснутыхъ клобукахъ. Чинно и стройно стояли солдаты, вперивъ глаза въ царскія врата. Нѣкоторые что-то шептали, размахисто творили крестное знаменіе и, вслѣдъ затѣмъ, быстро и урывисто кланялись въ землю, шелкая лбами о каменный помостъ. Еще толще и грубѣе казалась солдатская одежда въ сравненіи съ офицерскими сюртуками. Офицеры не разговаривали; всѣ лица были серьезны, исключая младшаго Кругликова и Лазарева, которые, запыхавшись и разгорѣвшись отъ возни, одни не подчинялись общему настроенію духа. Выше всѣхъ торчали двѣ головы: одна — маленькая, величиною съ кулачекъ, худенькая и бѣлобрысенькая, нѣмецкаго барона фонъ-Везенберга, другая — огромная, сѣрая и мохнатая, Егора Филипыча Дулина. Послѣдній рѣзко выдавался и своимъ костюмомъ и фигурой. На немъ былъ старый, изношенный до сѣраго цвѣта сюртукъ, съ расходящимися бортами, сшитый, какъ видно, въ полковой швальнѣ: рукава были узенькія, талъя коротенькая, эполеты, какъ маленькіе, темные блинки, лежали на могучихъ плечахъ; рейтузы, у него одного, были подбиты кожей. На широкой и плоской спинѣ Егора Филипыча недоставало одной пуголицы, что тотчасъ же обратило на себя вниманіе Кругликова и Лазарева. Одинъ Дулинъ не придерживался полковой моды.

Растворились царскія врата, заплѣли доморощенные цѣвчѣе; началась служба въ Молдавіи на русскомъ языкѣ. Это была первая русская служба на чужбинѣ для находившихся въ церкви. Видимо, она тронула всѣхъ и умилила сердца. Солдаты чаще стали кланяться въ землю; еще усерднѣе клалось крестное

знаменіе. Плохо пѣли пѣвчіе, а любо было ихъ слушать: сильно звучали у нихъ въ голосѣ глубокое чувство и набожность. Всѣ забылись; даже Кругликовъ и Лазаревъ перестали разсматривать спортукъ Дулина: они всѣ обратились въ слухъ, и передъ ними, какъ передъ всѣми, понеслись родные, милые образы. Опять слезы просились у всякаго, и стѣснилась грудь, но не тяжелой тоской, не болѣзненной: нѣтъ! въ Божьемъ домѣ, далеко на чужбинѣ, легко было всякому и всѣ горячо молились. Стали кланяться въ землю и офицеры; даже баронъ, съ маленькой бѣлобрысой головкой, и тотъ творилъ крестное знаменіе. Опять приходило въ голову, какъ на переправѣ черезъ Прутъ: темные мы люди, не философы, можетъ быть и смѣшно такъ трогаться, а сами испытали на себѣ, чувствовали, что есть потребность у души сильная, глубокая—помолиться, иной разъ, съ самой слѣпой, безотчетной вѣрой. Рѣдко просыпается эта потребность, по большей части въ сосѣдствѣ отъ смерти или далеко на чужбинѣ, готовясь идти въ бой. И какъ легко, славно на душѣ! и всѣ это чувствуютъ, даже и дурной человѣкъ. Быть можетъ, устоитъ въ эту минуту невѣрующій; да мы такихъ не видали: здѣсь всѣхъ трогала служба Божія.

Съ особеннымъ чувствомъ молились солдаты, пѣли пѣвчіе, служилъ священникъ. Незамѣтно, скоро кончилась обѣдня, а все еще не хотѣлось выходить изъ церкви.

Опять стоялъ выстроенный эскадронъ на церковной площадкѣ; но ни разговора, ни шума не было: всѣ находились подъ впечатлѣніемъ Божественной службы. Громко скомандовалъ Лиленштернъ эскадрону, и тотъ, по прежнему, разставляя ноги, чтобы не отдавить другъ другу пятокъ, двинулся къ деревнѣ. Подождавъ нѣсколько священника, и офицеры пошли туда же.

Поздравивъ людей съ праздникомъ, пожелавъ имъ всего, чего желаютъ въ подобныхъ случаяхъ солдатамъ, т. е. георгиевскихъ крестовъ, поскорѣе въ дѣло, положить животь за отечество и тому подобное, послушавъ, какъ они громко кричатъ, изъясняя тѣмъ свое удовольствіе, и что они своего живота ни мало не пожалѣютъ, офицеры направились къ квартирѣ эскадроннаго командира.

Лиленштернъ и маленькій Кругликовъ, нѣсколько опередивъ гостей, первые вошли въ хату.

Хата была небольшая, но чистенькая и бѣлая. Кругомъ по стѣнкѣ тянулся довольно широкій молдаванскій диванъ, по-

крытый полосатую, шерстяною матерією; въ углу лежало множество сложенныхъ подушекъ и ковровъ, подобныхъ тому, который былъ на диванѣ; все было опрятно и чисто. Отъ занавѣшенныхъ оконъ было прохладно; мухи изгнаны, остались лишь одни небольшіе отряды, которые не беспокоили никого. Въ хатѣ стоялъ длинный столъ, который шелъ ступенями отъ одного конца къ другому, отъ различнаго роста составныхъ частей.

Столъ былъ накрытъ приборовъ на двѣнадцать. Здѣсь видѣлись тарелки и мелкія, и глубокія, и бѣлыя, и что-то въ родѣ поддонниковъ, и жестяныя, и даже откуда-то забѣжала одна походная, гризаровская. Ножи и вилки также принадлежали различнымъ обществамъ, а на предсѣдательскомъ мѣстѣ лежалъ складной ножъ, немного болѣе перочиннаго, въ роговой оправѣ подъ перламатуръ, и складная же худенькая вилка, о двухъ зубцахъ. Серебряныхъ ложекъ было мало: всего три или четыре, по числу офицеровъ въ эскадронѣ; у остальныхъ приборовъ были деревянныя; салфетокъ не доставало вовсе.

— Семень! крикнулъ Лиліенштернъ, войдя въ хату.

Передъ нимъ какъ изъ земли выросъ человекъ небольшого роста, худенькій, съ слезящимся взглядомъ и съ необыкновенно приторно сладкимъ выраженіемъ лица. Онъ стоялъ передъ эскадроннымъ командиромъ, вытирая себѣ руки о толстый фартукъ.

— Готово ли? спросилъ капитанъ.

— Сейчасъ будетъ, Юлій Петровичъ! отвѣчалъ деньщикъ:— сейчасъ пирожки жарить поставилъ.

Осмотрѣвъ, все ли въ порядкѣ, и поправивъ стаканы, Лиліенштернъ и Кругликовъ пошли на встрѣчу гостямъ.

Скоро хата наполнилась народомъ. Офицеры разсѣлись кругомъ стола, предоставивъ самое покойное мѣсто священнику. Начался обѣдъ. Обѣдъ былъ какъ обѣдъ. Хозяинъ не скупился и досталъ все, что было можно достать. Изготовлено все было хорошо, хоть бы даже и не для походнаго времени, благодаря искусству деньщика Лиліенштерна, который занимался прежде поварскою профессіей въ губернскомъ клубѣ и который попалъ отъ плиты въ кавалерію, вслѣдствіе кореннаго убѣжденія нѣкоторыхъ, что умный человекъ долженъ быть непремѣнно плутъ. Кушали всѣ съ большимъ аппетитомъ, какъ всѣ здоровые люди, привыкшіе хорошо ѣсть и спать и которые уже находились часовъ шесть, семь, на ногахъ, безъ пищи. Подчивать никого не

слѣдоваю: всякъ кушалъ въ свое удовольствіе, не церемонясь. За то и дивно бы показалось со стороны, что каждаго блюда приносили по нѣскольку разъ, и только что принесутъ, глядишь, уже какойнибудь офицеръ и скоблитъ его пустое доньшко, что означало, что нужно еще. Всѣ кушали плотно и запивали молдаванскимъ бѣлымъ и краснымъ виномъ, которое пилось гораздо больше, чѣмъ вода и квасъ, и возбуждало постоянные разговоры на извѣстную тему, что будто оно, въ прищельцахъ, по-сеяетъ расположеніе къ молдаванской лихорадкѣ и вообще очень вредно. Вѣроятно, прищельцы и хотѣли самымъ достойнымъ образомъ узнать эту истину, потому что пили его болѣе, чѣмъ Молдаване. Другаго вина было мало, и оно употреблялось такъ, между прочимъ.

Къ концу обѣда всѣ стали замѣтно веселѣе; даже у священника глазки блестѣли, а сидѣвшій рядомъ съ нимъ поручикъ Вороничъ уже начиналъ ему говорить, что онъ его давно очень любить, и безпрестанно повторялъ: «батюшка! не хотите ли вина?» на что батюшка говорилъ, обыкновенно морщась и мотая головою: «нѣтъ, немогу: оно вѣдь въ этомъ климатѣ очень вредно», и подставлялъ свой стаканъ, который и выпивалъ, также тряся головою.

Егоръ Филипычъ Дулинъ сидѣлъ одинъ въ сюртукѣ, застегнутый на всѣ крючки и пуговики. Онъ былъ очень блѣденъ и крупныя капли пота струились у него по носу. Онъ ничего не говорилъ, только отдувался, поминутно протягивая руку къ графинчику съ водкой, при чемъ онъ сначала не упускалъ случая подержаться за хлѣбъ, но потомъ уже этого не дѣлалъ и только глядѣлъ прямо, выпуча глаза.

Сосѣдъ его, молодой офицеръ съ полной красноватой физиономіей, съ налитыми кровью глазами и нахальнымъ выраженіемъ лица, говорилъ съ рѣдкими пережками и постоянно опуская углы рта: «шпоры и воля! шпоры и воля! я больше ничего не знаю! вотъ по питейной части служить — наше дѣло! Не такъ ли, душенька Жоржинька?» добавлялъ онъ, обращаясь къ Дулину. На что тотъ только мычалъ и кивалъ головою. Офицеръ, выпивъ залпомъ молодцовато стаканъ, начиналъ пѣть, наклоняясь къ Дулину: «Егорушка, душенька, пожалуйста ручку!» отчего сидѣвшій рядомъ съ пѣвцомъ еще очень юный человѣкъ съ густыми курчавыми волосами и необыкновенно узенькимъ лицомъ, на которомъ, казалось, только и были большой носъ да

довольно толстыя губы, а щекъ не было вовсе, смѣлся чуть не до истернки, постоянно приговаривая: «еще, еще, Пурлевичъ! ахъ, молодчина! еще, Пурлевичъ!» и умиралъ со смѣху.

Капитанъ Севрюгинъ, закосивъ рукава рубашки, на своихъ толстыхъ, мускулистыхъ рукахъ, говорилъ Лиліенштерну, трепля его по плечу:

— Да, братъ Юлій, хорошая сторона Молдавія: здѣсь вотъ у меня солдаты мундировъ застегнуть не могутъ, поперекъ себя толще стали, да и лошади вѣдь первыя послѣ твоихъ! тебѣ ужъ и книги въ руки! а все самъ не въ убытокъ! — Такъ, Юлій? заключилъ онъ, келота Лиліенштерна по плечу.

— Такъ, такъ! отвѣчалъ тотъ: — дѣйствительно, цѣны довольно дешевыя и всего пока въ волю.

Разговоръ все болѣе и болѣе оживлялся. Шуму было вдоволь. Всякій говорилъ и никто не слушалъ. Веселье достигло той степени, когда каждый изъ присутствующихъ дѣлается собою крайне доволенъ и тѣшитъ себя, смѣясь отъ всей души на свои же слова. Отсюда слышалось:

— Батюшка, не хотите ли еще винца? вѣдь это не претить!

— Не хочу, Николай Ивановичъ! оно къ лихорадкѣ располагаетъ.

— Экой молодчина Пурлевичъ! ха, ха, ха! шпоры и воля! а лошадки у меня, братъ Юлій!

Тутъ слышенъ былъ звукъ поцѣлуя кончиковъ своихъ пальцевъ и тому подобное въ этомъ родѣ.

Всѣ восклицанія вдругъ замерли съ приходомъ леньщика Лиліенштерна, который поставилъ на столъ сладкій пирогъ, съ дикими персиками, весьма хитро приготовленный. Разговоры прекратились: всѣ обратили вниманіе на пирогъ и единогласно рѣшили, что это верхъ повареннаго искусства. Похвалы посыпались со всѣхъ сторонъ на артиста, который стоялъ молча, по обыкновенію, вытирая руки о передникъ и чрезвычайно сладко улыбаясь; глаза повара, постоянно масляные, почти увлажнились слезой. Съ особеннымъ чувствомъ онъ смотрѣлъ на восторгъ, произведенный его созданіемъ, и, удовлетворенный вполне, вышелъ изъ хаты.

Несмотря на страшные размѣры, пирогъ не устоялъ передъ офицерскимъ аппетитомъ и былъ разорванъ на части въ одно мгновеніе; онъ исчезъ такъ скоро, что Егоръ Филипычъ Дулинъ, который хотѣлъ приступить къ нему, выпивъ, какъ онъ

говорилъ, сперва наперво, рюжку водки, его и не попробовалъ.

Впрочемъ, онъ этимъ не оскорбился, но, медленно оглядѣвшися во всѣ стороны и видя, что пирога, дѣйствительно, нѣтъ, потянулся опять къ графинчику и успокоился уже тогда, когда опрокинулъ его вверхъ дномъ.

Похвалы посыпались въ честь исчезнувшего со славою сладкаго пирога.

— Дѣльная штука! заговорилъ Вороничъ, вытирая себѣ усы и принимаясь крутить папиросу.

— Сладко и вкусно, а все-таки недѣльно! замѣтилъ Севрюгинъ: — покормилъ бы я васъ этимъ, Николай Ивановичъ, сейчасъ послѣ перехода: не бойсь, щецъ бы да кашки захотѣли. Вотъ она дѣльная-то пища!

— Всякому свой чередъ, заступился за пирогъ Вороничъ: — а послѣ сытнаго обѣда славная вещь!

— А чтò, Юлій, спросилъ Севрюгинъ: — какъ ты доволенъ своимъ Семеномъ? Знатный поваръ! артистъ, просто! хуже, чѣмъ артистъ — виртуозъ! Въ походѣ такой обѣдъ устроить!

— Ничего, отвѣчалъ Лиліенштеръ: — я, впрочемъ, его только потому и держу, что онъ хороший поваръ, а давно бы уже слѣдовало прогнать: страшный плутъ!

— Русскій человѣкъ! замѣтилъ Севрюгинъ: — уменъ, такъ и плутъ!

— То-то и нехорошо.

— Полно, братъ Юлій, отчего нехорошо? За плутомъ только смотри въ оба да поспѣвки разика два, какъ попадется, а тамъ поощри, коли станеть себя честно вести. Увидить, не бойсь, изъ своей же выгоды честенъ будетъ.

— Ну, не всегда, Степанъ Михайлычъ! иной такой тонкій плутъ, что и не замѣтишь скоро. Вотъ такого не выправишь. Да и плоха честность только изъ боязни, чтобъ не выдрали.

— Философъ ты, братъ Юлій! а по мнѣ такъ все равно, откуда бы ни шло, лишь бы человѣкъ былъ хорошъ — изъ боязни ли, или такъ просто, по себѣ хорошъ!

— Коли хорошъ только изъ боязни, такъ долго не продержится, отвѣчалъ Лиліенштеръ: — смотришь, то тамъ, то сямъ и прорвется.

— Ну, прорвется, и опять поспѣку; да такъ, знаешь, время отъ времени, чтобы страхъ-то не проходилъ, для памяти. Ты братъ,

Шведъ, Юлій, тебѣ это дико! А будь-ко слабъ, тебя жь надуютъ да тебя же и уважать и любить не будутъ.

Лиліенштернъ нахмурился и сталъ сильно крутить усы, что показывало, что онъ чѣмъ нибудь сильно занятъ.

— Знаю, знаю, Степанъ Михайлычъ! сказалъ онъ: — и самъ тоже дѣлаю; да плохо это. Нехорошо, что уваженіе да любовь такими средствами достигаются: надо бы было заставить чело-вѣка понять, что онъ долженъ быть хорошъ не изъ страха....

— Ну-ко поди, попробуй! а пока дойдешь до этого, будутъ въ лѣсу порубки!

Мало по малу, а тамъ, можетъ статья, и обстоятельства будутъ другія. Проснется и самъ чело-вѣкъ, какъ поумнѣе будетъ да просвѣщеннѣе.

— Нѣтъ ужъ, братъ Юлій, теперь и съ умными-то строго-сти много нужно, а отъ просвѣщенныхъ избавь: тутъ всякій день свѣчь будешь! Ужъ какъ чело-вѣкъ просвѣтится, такъ ему ужъ никто и не ровня: смотреть только, какъ бы со штабными писарями знакомство свести, а ужъ на дѣло — никуда!

— Да коли ты такъ понимаешь просвѣщеніе, такъ справедливъ! сказалъ Лиліенштернъ и замолчалъ, продолжая кру-тить свои большіе усы.

Лицо его было серьёзно. Видно, что онъ думалъ. А о чемъ? Богъ его вѣдаетъ! Вѣрно, хорошая мысль запала ему въ голову въ это время. Неглупый былъ чело-вѣкъ.

Было уже часовъ девять вечера, а офицеры все еще остава-лись у Лиліенштерна. Передъ хатой стоялъ столъ, накрытый зе-ленымъ сукномъ; на столѣ горѣли свѣчи такъ же спокойно и ти-хо, какъ въ комнатѣ; воздухъ не колебалъ даже пламени; ночь была теплая, тихая и темная. Свѣчи освѣщали небольшой кругъ около стола, въ двухъ шагахъ отъ котораго было темно и черно какъ въ трубѣ. За столомъ сидѣлъ Зеленчукъ и, угрюмо насу-пившись, металъ банкъ; около маіора, по обѣимъ сторонамъ, си-дѣли поручилъ Янцевскій и Егоръ Филипычъ Дулинъ. Янцев-скій былъ молодой чело-вѣкъ съ грязно-желтоватымъ цвѣтомъ лица, съ длиннымъ острымъ носомъ и подбородкомъ, ушедшимъ назадъ. Что-то хитрое, пронырливое сквозилось въ глубоко впалыхъ глазахъ; онъ часто улыбался, но мало говорилъ; глаза его бѣгали постоянно по всѣмъ присутствующимъ, но ча-

ще всего останавливались на банкومتѣ и колодѣ картъ, которою тотъ металлъ. Егоръ Филипычъ сидѣлъ, по прежнему, застегнутый на всѣ крючки и пуговицы, опираясь локтями на столъ, поддерживая обѣими руками свою мохнатую физиономію, и, насунивъ брови, внимательно смотрѣлъ на карты. Около стола стоялъ юнкеръ, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, и жадно слѣдилъ за игрой. Ноздри его постоянно раздувались. Видно было, что всѣ его помыслы, все вниманіе устремлены на зеленое сукно, исписанное мѣломъ. Кругомъ, на стульяхъ, виднѣлись Севрюгинъ, Пурлевичъ и еще нѣсколько человѣкъ молодежи. Всѣ сидѣли или стояли съ растегнутыми сюртуками, а Зеленчукъ былъ и вовсе безъ сюртука. Одинъ Дулинъ былъ въ той же формѣ, какъ и за обѣдомъ. Изъ хаты слышался веселый говоръ и смѣхъ.

— Эхъ! крикнулъ Дулинъ: — бита! Вѣдь вотъ поди, пять картъ съ рядомъ!

У Зеленчука немного зашевелились длинные усы; едва замѣтная улыбка растянула его губы.

— Вы что-то сегодня несчастливо играете, Егоръ Филипычъ! сказалъ, обращаясь къ Дулину, Янцевскій.

— Да что несчастливо! это постоянно. Какъ хошь, такъ и играй. Бьютъ и плакать не велятъ!

— Кто несчастливъ въ картахъ, въ любви счастливъ, замѣтилъ Пурлевичъ:— а вы, Егоръ Филипычъ, ужъ вѣрно, не одну Молдаванку съ ума свели? а? Такъ и проигрывать весело!

— Ну, это, вѣрно, тебѣ весело, а мнѣ не тово. Лучше выиграть. Какъ выиграешь, такъ всякая полюбитъ.

— А что, Егоръ Филипычъ! опять заговорилъ Янцевскій:— вѣдь вамъ надо бы отыгаться у меня, послѣ четверга. Я вамъ нарочно хочу проиграть.

— Знаемъ мы васъ, какъ вы хотите проиграть, сказалъ Дулинъ: — нѣтъ ужъ съ тобой-то, братъ, тово, играть-то накладно!

— Да отчего же накладно?

— Да такъ! тебѣ, прости Господи, только по ярмаркамъ-то и ѣздить!

— Труситъ Егорушка, запищалъ дискантомъ Пурлевичъ.

— Ну, нѣтъ, не изъ трусливаго десятка, не сробѣемъ! Всякъ должонъ свою долю безропотно претерпѣвать. И мы выиграемъ.

— А не выиграете! Я бы на вашемъ мѣстѣ и играть не сталъ.

— Выиграемъ! горячась, сказалъ Дулинъ:—не сегодня, завтра выиграемъ.

— А я вотъ по глазамъ вижу, что проиграете, замѣтилъ Янцевичъ:—а тамъ и денегъ нехватить.

— Хватить! У тебя не займу!

— Чтò, Егоръ Филипычъ, спросилъ Зеленчукъ:—идеть?

— Идетъ.

— А чтò?

— Гм! замычалъ Дулинъ.

— Струсилъ, струсилъ, Егорушка! потирая руки, заговорилъ Пурлевичъ.

Дулинъ поглядѣлъ на него съ презрѣніемъ и брякнулъ:

— Пять золотыхъ!

— Умница Егорушка! ай да молодецъ! сказалъ Пурлевичъ.

Все смолкло и смотрѣло на карты.

— Бита! сказалъ Дулинъ, раздувая ноздри.

— А чтò! замѣтилъ Янцевскій: — ужь я говорилъ: по глазамъ вижу, что проиграете.

— Ну, проигралъ, такъ проигралъ! Живой травы, небойсь, не пойду искать, какъ Лукашевскій.

— Это чтò? Да какую траву Лукашевскій искалъ? спросилъ Севрюгинъ.

— Да вотъ, отвѣтилъ Дулинъ: — на дняхъ, знаешь, мы въ штабѣ играли. Лукашевскій давно не игралъ, а тутъ ему бѣсъ на ухо шепчетъ: сядь да и, тово, карточку поставь. У Лукашевскаго-то, знаешь, всего на все имущества и было и движимаго и недвижимаго три тысячи рублей. Ужь чтò на него нашло, ума помраченье, что ли, только онъ, знаешь, тово, карточку поставилъ, да прямо въ тысячу рублей. Бита! Другую—бита! третью — бита! Да все, знаешь, по тысячѣ! Ну, какъ все спустилъ, такъ и сѣлъ и не понимаетъ ничего—рехнулся, что ли. Только потомъ безъ шапки, знаешь, какъ былъ, взялъ да и вышелъ. Всѣ думали, такъ, по нуждѣ пошелъ. А онъ, тово, не ворочается. Пошли поискать—и слѣдъ простылъ. Такъ потомъ, знаешь, фурштатъ, чтò за лошадьми смотреть, подъ утро, далеко отъ штабу, смотреть, что-то къ лошадямъ ползеть. Онъ, знаешь, туда, а это Лукашевскій: живую траву, говоритъ, ищу. Тотъ проводилъ его до штаба, а онъ, тово, и не помнитъ ничего.

— Кто же его обьигралъ? спросилъ Севрюгинъ.

— Да вотъ, отвѣчалъ Дулинъ, устави свой огромный палецъ на Зеленчука и Янцевскаго.

Все смолкло, и игра пошла своимъ чередомъ; только, повремениамъ, слышно было пыхтѣнье Дулина, шелестъ падающихъ картъ или выраженія въ родѣ: «бита!» или а! и «наша взяла!»

— Ну что, Фика, какъ штось идетъ? спросилъ Вороничъ у Лиліенштерна, вошедшаго въ хату.

— Играютъ! Да что эти господа все Дулина поджигаютъ! отвѣчалъ Лиліенштернъ: — тотъ горячится, а они этимъ пользуются. Онъ уже спустилъ порядочно.

— Такъ зачѣмъ же онъ играетъ, если не везетъ! сказалъ Вороничъ.

— Втянулся, а теперъ все отыгрывается. Знаешь пословицу: играй, да не отыгрывайся.

Лиліенштернъ, какъ очень многіе изъ иностранцевъ, знающихъ довольно хорошо русскій языкъ, любилъ русскія пословицы и употреблялъ ихъ довольно часто, произнося ихъ съ особеннымъ выраженіемъ и довольно рѣзкимъ, иностраннымъ акцентомъ.

— Вотъ я, заговорилъ Вороничъ:—двѣ золотушки спустилъ, да больше и не играю.

— Да, потому что въ карманѣ остались только крошки отъ стараго табаку, а въ долгъ не вѣрятъ, замѣтилъ младшій Кругликовъ:—рыжіе люди опасные.

Всѣ засмѣялись.

— Смотри, Жоржинька! грозя ему пальцемъ, сказалъ Вороничъ:—ужь ты что-то кутить сталъ на чужой счетъ! что-то ты у меня изъ рукъ вышелъ! Смотри, въ уголъ поставлю.

— А вы не играете сами, Юлій Петровичъ? спросилъ священникъ.

— Нѣтъ, почти не играю. Мнѣ играть нельзя: всегда выигрываю.

— Ужъ вы его, батюшка, не спрашивайте, вмѣшался опять Вороничъ: — вѣдь вотъ резонъ, не играть потому, что выигрываетъ! Добро бы проигрывалъ, ну, это причина. Онъ вѣдь у насъ философъ!

— Неужто вы, въ самомъ дѣлѣ, всегда выигрываете, какъ играть садете? съ удивленіемъ сказалъ священникъ, плохо со- знавая, гдѣ жь тутъ, въ самомъ дѣлѣ, причина не играть.

— Да! подтвердили за Лиліенштерна Кругликовы и Сухо- парый:—мы свидѣтели: Юлій Петровичъ ставилъ при насъ кар- ты на пари, что выиграетъ, и рѣдко проигрывалъ.

— Странно, сказалъ священникъ.

— Эхъ, вотъ бы намъ съ вами такое счастье, ужь мы бы карманчики-то попустошили, сказалъ Вороничъ: — золото тя- жело — ходить послѣ легче.

— То-то вы стали такъ легки на ногу, замѣтилъ младшій Кругликовъ.

— Такъ вы поэтому и не играете, Юлій Петровичъ? спро- силъ священникъ, все-таки недоумѣвалъ, что за странная причи- на не играть оттого, что счастье везетъ.

— Да, поэтому! Да знаете, не въ обиду будь сказано всѣмъ играющимъ, человѣкъ съ истинно прямымъ понятіемъ о честно- сти не можетъ и не долженъ быть азартнымъ игрокомъ.

— Да что-то вы больно строги, Юлій Петровичъ! сказалъ священникъ: — вѣдь сколько-нибудь я знаю и честныхъ и добрыхъ людей, а играютъ.

— Заврался, Финка! съ торжествомъ сказалъ Вороничъ: — назадъ возьми, что сказалъ.

— Нѣтъ, не возьму, флегматически отвѣчалъ Лиліенштернъ, усаживаясь на диванъ и закуривая сигару.

— Я вѣдь своихъ мнѣній никому не навязываю. Хочешь играй, хочешь нѣтъ. Я еще не очень дурнаго мнѣнія о тѣхъ, кто въ карты играетъ. Говорю самъ за себя, какъ мнѣ кажется. Для меня такъ мало резона брать съ другаго деньги потому, что карта упала не направо, а налѣво.

— Ну, а ты, Федоръ Карлычъ, вдругъ спросилъ Лиліен- штернъ:—отчего надулся, какъ мышь на крупу?

— На меня сердить! вдругъ зашумѣлъ Вороничъ: — мы съ нимъ чуть не подрались!

— Это за что?

— Вороничъ все чушь поретъ! взволнованнымъ голосомъ за- говорилъ Торстенсонъ: — знаешь, Лиліенштернъ...

— Полно, Федоръ Карлычъ, ужь неправъ, сознайся!

— Нѣтъ, какъ не правъ? ты не правъ, заболталъ, гордчась, Торстенсонъ.

— Ну, Финка, разсуди насъ, будь Соломономъ, сказалъ Вороничъ:— вотъ и батюшка насъ разнималъ, да все не ладимъ.

— Знаешь, Лилиенштернъ, что онъ сказалъ? опять забормоталъ Торстенсонъ.

— Погодите, Фодоръ Карлычъ, пускай Вороничъ объяснить, а потомъ и вы, мы свидѣтели, заговорили присутствующіе.

Торстенсонъ нехотя повиновался. Вороничъ церемонно вытянулся передъ Лилиенштерномъ и началъ:

— Вашъ землякъ, ваше благородіе, Фодоръ Карлычъ Торстенсонъ, не умѣетъ говорить по русски, я ему и докладываю, какъ это вы, Фодоръ Карлычъ, до сихъ поръ въ восемь лѣтъ съ русскимъ языкомъ не сладили?...

— Неправда, опять заговорилъ Торстенсонъ: — ты сказалъ, что такъ постыдно для русскаго офицера русскую рѣчь исковеркать, какъ я.

— Коверкать! поправилъ его Вороничъ: — ну, конечно, постыдно. Я не отрекаюсь отъ своихъ словъ и говорю, что слѣдуетъ поучиться этому. А онъ мнѣ ляпнулъ: и учиться не хочу и знать не хочу русскаго языка!

— А ты мнѣ что сказалъ? вмѣшался Торстенсонъ.

— Ну, я сказалъ, скромно продолжалъ Вороничъ: — вы, Фодоръ Карлычъ, несправедливы и такъ говорить не имѣете права.

— Нѣтъ, ты сказалъ: не смѣете!

— Ну, не смѣете!... и выразилъ очень скромно, что я относительно шведскаго языка имѣю право это сказать...

— Нѣтъ, ты не такъ сказалъ, ты сказалъ гораздо хуже этого, и тутъ было сказано совсѣмъ нескромно.

— Ну, я сказалъ, прежнимъ тономъ продолжалъ Вороничъ: — Фодоръ Карлычъ! я могу сказать: плевать я хочу на шведскій языкъ, а вы не имѣете права сказать, что не только не хотите учиться по русски, но даже и знать его.

— А! что? торжествуя, сказалъ Торстенсонъ: — развѣ это скромно? Тутъ скромности совсѣмъ очень мало! такъ, Лилиенштернъ?

— Ну, отчего же, Николай Ивановичъ, ты, въ самомъ дѣлѣ, думаешь, что имѣешь право плевать на шведскій языкъ и что Фодору Карлычу постыдно дурно говорить по русски? Нѣтъ, ты не правъ!

— Ну, ужь нѣтъ, Юлій Петровичъ! вмѣшался въ разговоръ Сухопарый: — если Николай Иваичъ и не правъ, то все-таки правѣ Федора Карлыча.

— А почему?

— Да вотъ почему: находясь въ Россіи, служа въ русской службѣ, слѣдуетъ ли выказывать неуваженіе къ русскому обществу?

— Конечно, нѣтъ.

— Ну, а если не слѣдуетъ, то Федоръ Карлычъ объявилъ предъ всѣми нами, русскими офицерами и русскими людьми, что онъ его не уважаетъ, сказавъ, что онъ не только не будетъ учиться русскому языку, но даже и не хочетъ знать его.

— Ну, согласенъ, сказалъ Лиліенштернъ, немного помолчавъ: — однако, Вороничъ сказалъ еще хуже: плевать я хочу на шведскій языкъ!

— Да, выраженіе немножко рѣзкое, а все-таки онъ правѣ Федора Карлыча. Долгъ платежемъ красенъ: если Федоръ Карлычъ могъ считать себя вправѣ, находясь въ русскомъ обществѣ и служа ему, сказать, что онъ и знать не хочетъ русскаго языка, то Вороничъ имѣлъ гораздо болѣе права выразиться гораздо рѣзче насчетъ шведскаго языка. Онъ, во первыхъ, не въ Швеціи, во вторыхъ, не служитъ шведскому обществу, а, пожалуй, даже и не имѣетъ намѣренія служить ему; денегъ и ничего ровно отъ него не получаетъ, а потому онъ ему ничѣмъ и не обязанъ. Да вы сами, Юлій Петровичъ, вы вѣдь этого не скажете? да и не говорили никогда про русскій языкъ, и я знаю, что вы его знаете лучше, быть можетъ, многихъ Русскихъ. Это почему? Изъ уваженія къ русской рѣчи, служа русскому обществу. Вы это сознаете сами. Такъ вѣдь?

— Ты не правъ, Федоръ Карлычъ! рѣзко сказалъ Лиліенштернъ, обращаясь къ Торстенсону.

— Ура! аа! ура-а! побѣда! Разбить Торстенсонъ, какъ Шведъ подъ Полтавой! бѣшено закричалъ Вороничъ и сталъ раскланиваться передъ Торстенсономъ, размахивая руками и прыгая во всѣ стороны.

Младшій Кругликовъ показывалъ Торстенсону рукою носъ, приговаривая:

— А что, Федоръ Карлычъ, грибъ съѣли!

— Ну, что это? что это? затыкала уши отъ несноснаго шума, заговорилъ Торстенсонъ; — ну, чему вы обрадовались? вовсе не

смѣшно и это совсѣмъ похоже на квасной патриотизмъ! И ты квасной патриотъ, Николай Иванычъ! и вы, Михайло Семенычъ, и вы! и вы! повторялъ онъ, горячась.—И больше слушать васъ не хочу! И Лиліенштернъ замелить съ вами вздоръ и чепуха!

— Мелить вздоръ! поправилъ его Сухопарый: — а вы все таки не правы, Ѳедоръ Карлычъ! а теперь такъ и вдвойнѣ неправы!

— Ну, что, Шведъ, разбить вѣдь! закричалъ Вороничъ.

Торстенсонъ заткнулъ уши и только отрицательно моталъ головою.

— Однако, довольно! продолжалъ первый, обращаясь къ Лиліенштерну:—что же, Финка, не покормишь ли ты алчущей братіи? споръ вѣдь возбуждаетъ аппетитъ, а до меня дошли слухи о какомъ-то картофелѣ въ сметанѣ....

— Николай Иванычъ уже на рекогносцировку ходилъ и собралъ самыя вѣрныя свѣдѣнія объ ужинѣ, замѣтилъ младшій Кругликовъ.

— Жоржинька, опять! сказалъ комически строгимъ тономъ Вороничъ:—смотри, за ужиномъ расскажу нарочно что нибудь хорошее—аппетитъ отобью—напримѣръ, о томъ, какъ одинъ господинъ ночью водицы напился или покушалъ хорошей яичницы въ жиловскомъ семействѣ.

— Ахъ, пожалуйста, увольте! сморщившись, отлѣтилъ Кругликовъ:—я васъ знаю: это, вѣрно, что нибудь въ вашемъ обыкновенномъ стилѣ. Какъ только собираются ѣсть, такъ вы и начнете ваши рассказы. Опомнитесь, рыжій! вѣдь вы не у себя дома!

— Семень, подавай ужинать! крикнулъ Лиліенштернъ.

— Дѣльно, Юлій Петровичъ! умныя рѣчи пріятно слушать, говорилъ Вороничъ, усаживаясь на диванъ.

Въ хатѣ скоро появился столъ, накрытый по общему, и вошелъ Семень съ огромной сковородой, на которой пицалъ только что зажаренный картофель.

Вороничъ живо соскочилъ съ своего мѣста, еще живѣе схватилъ ножъ и вилку и усѣлся у стола какъ можно покойнѣе.

— Посмотрите на него, что за манеры! какъ будто съ цѣпи сорвался, точно цѣлюю недѣлю не ѣлъ! сказалъ Кругликовъ, садясь около него.

Вороничъ положилъ на столъ руки, вооруженныя ножомъ и вилкой, обернулся къ Кругликову и, посмотрѣвъ ему многозначительно въ глаза, началъ :

— Одинъ господинъ, ночуя на станціи, захотѣлъ напиться; долго онъ шарилъ въ темнотѣ; наконецъ онъ....

— Ахъ, ради Бога, затыкая уши, сказалъ Кругликовъ:—перестаньте, пожалуйста, я васъ серьезно прошу!

— А знаете ли вы, Жоржинька, чему можно уподобить этотъ картофель съ подливкой?

— Да перестаньте вы, сдѣлайте одолженіе, упрашивалъ Кругликовъ.

— То-то же, молодежь, знаю я, чѣмъ васъ унять, сказалъ Вороничъ, принимаясь хладнокровно за картофель.

Въ это время вошли играющіе, по прежнему размѣстившись на чемъ Богъ послалъ. Въ хатѣ стало еще шумнѣе, чѣмъ прежде.

Егоръ Филипычъ Дулинъ потянулся къ водкѣ, приговаривая :

— Хоть тутъ душеньку отвести.

— Чтò, видно, наказали? заговорилъ Вороничъ: — ну, сегодня 7-й эскадронъ разбитъ: здѣсь мы Федора Карлыча поразили, а тамъ игроки васъ общипали!

— Ну, ничего, выпивъ рюмку водки и вытарачивъ глаза, сказалъ Дулинъ: — и на нашей улицѣ будетъ праздникъ, и мы выиграемъ. Сегодня, ужь правду сказать, мнѣ не тово, не везло: общипали, знаешь, какъ сидорову козу!

— Ничего, ничего, Егорушка, сказалъ, обращаясь къ нему, Пурлевичъ: — вы на это не обращайтесь вниманія: счастье какъ придетъ, такъ съ разу всѣхъ обыграете.

— Ну! опять выпивъ водки и подержавшись за хлѣбъ, сказалъ Дулинъ. — Ужь, кажется, васъ-то не тово, не обыграешь!

— Не играйте, Егоръ Филипычъ! набивая себѣ ротъ, сказалъ Вороничъ: — вотъ мнѣ хозяинъ какъ дважды два доказалъ, что играть не слѣдуетъ, и не буду играть.

— До перваго раза? сказалъ Кругликовъ.

— Ну, да какъ не играть? отвѣчалъ Дулинъ: — да ты самъ посуди, проигралъ, да такъ и оставить? Нѣтъ, это не тово! Надо свое назадъ взять.

— И возьмете еще съ процентами! замѣтилъ Янцевскій.

— Ну, отъ тебя-то плохіе проценты, отвѣтилъ Дулинъ: — вѣдь, пожалуй, и послѣднее снимешь — проиграй только!

На минуту водворилось молчаніе; всё съ жаромъ уписывали картофель, который уже три раза появлялся на столѣ и исчезалъ. Говоръ мало по малу опять становился все шумнѣе и шумнѣе.

Вороничъ, по прежнему, любезничалъ со священникомъ, подчуя его безпрестанно виномъ и въ то же время перебранываясь съ Кругликовымъ и Лазаревымъ. Лиліенштернъ, Севрюгинъ и Зеленчукъ говорили о лошадяхъ; казначей также вмѣшивался въ ихъ разговоръ; Кругликовъ старшій, Макаровъ, молодой офицеръ съ худенькимъ лицомъ, и Пурлевичъ вели разговоръ, о женщинахъ, употребляя довольно нескромныя слова и хвастая немилосердно. Пурлевичъ, между прочимъ, не забывалъ и Дулина, предъ которымъ уже водка въ графинѣ убyla наполовину и который уже задумался и молчалъ, положивъ руки на столъ.

— Пейте, Егорушка! продолжалъ онъ, обращаясь къ Дулину: — мы, кажется, съ вами по питейной части оба хороши!

— Ахъ, Пурлевичъ! расскажи, пожалуйста, сказаль, обращаясь къ нему съ подобострастіемъ, Макаровъ: — рюмку водки и порцію селедки!

— Вотъ мастеръ-то! продолжалъ онъ, кивая на него головою.

Пурлевичъ самодовольно улыбнулся и началъ, обращаясь къ Дулину, который сидѣлъ, не слушая его, подпирая подбородокъ обѣими руками.

— Въ трактиръ пришелъ одинъ господинъ, изъ употребляющихъ водку, выпилъ нѣсколько рюмокъ и опьянѣлъ совсѣмъ; сидитъ въ углу, осовѣлъ и ротъ растворилъ. Къ нему подлетѣлъ половой. «Что прикажете, ваше сіятельство?» а тотъ только пальцы растопырилъ и языкъ не ворочается: «расплатиться!» — «Слушаю-съ! вотъ и счечець-съ! Прикажете ли прочесть?» Тотъ киваетъ головой и не понимаетъ ничего. «Извольте-съ: рюмка водки, порція селедки! рюмка водки, порція селедки! сорокъ да сорокъ — рубль сорокъ, да еще рюмка водки — сорокъ! два рубля сорокъ! А трубочку, московскаго фабриканта Василья Иваныча Жукова, изволили курить?»

Пурлевичъ произнесъ это необыкновенно мягкимъ и вкрадчивымъ голосомъ, растягивая слова и придавая своей красной физиономіи необыкновенно умильное выраженіе.

— Такъ-съ! три рубля сорокъ. Четыре рублика пожалуйста. Гривна уваженія. Такъ оно и будетъ-съ!

— Ха! ха! ха! bravo! аплодируя изъ всѣхъ силъ и откинувшись назадъ, закричалъ Макаровъ: — какъ онъ рассказываетъ! молодчина!

Нѣкоторые изъ присутствующихъ также его поддерживали. Самолюбіе Пурлевича удовлетворилось.

— А знаете ли вы, началъ онъ: — самое вѣрное средство пустить въ ходъ часы, которые давно не шли? Нѣтъ? ну, слушайте: у одного мужа была жена очень веселаго характера — она не любила уединенія — какъ мужъ куданибудь уѣдетъ, у ней сейчасъ гость, съ которымъ она очень пріятно проводила время. Только разъ является мужъ невовпадь. И жена и пріятель ея засуетились. «Куда дѣться?» говорятъ гость. «А вотъ поди поскорѣе въ этотъ футляръ.» А въ комнатѣ были огромные, старинные часы, въ родѣ шкапика. Она какъ-то и впихала своего любезнаго въ футляръ; тотъ сложился тамъ въ мѣдннй грохъ и сидитъ. Только опомнился: видитъ, что прижалъ маятникъ, который оттого и остановилс . «Дай, говоритъ, пушу», и качнулъ. Маятникъ не щелкаетъ. Онъ подумалъ, что, вѣрно испортилъ часы, да, чтобъ не вздумали открывать крышки, отчего часы остановились, взялъ маятникъ въ руки, давай раскачивать да прищелкивать языкомъ: «чикъ! чикъ! чикъ! чикъ!» — «Что это, душенька, часы вдругъ пошли?» спросилъ мужъ. «Они вѣдь были спорчены давно и пустить было нельзя?» Та ни жива, ни мертва, не знаетъ, что сказать. А мужъ подошелъ къ часамъ, отворилъ футляръ и видитъ: тамъ сидитъ господинъ, раскачиваетъ маятникъ и отъ страху еще продолжаетъ: «чикъ! чикъ! чикъ! чикъ!»

Макаровъ почти умеръ отъ восторга. Многіе также хохотали, — впрочемъ, больше оттого, что уже вся компанія дошла до той точки, гдѣ смѣхъ возбуждается, кажется, безъ всякихъ причинъ. Покажи палець — и тутъ расхохочутся.

Пурлевичъ замолкъ, довольный собою донельзя. Онъ сидѣлъ, опуствя нѣсколько глаза и держась за стаканъ, безмолвно наслаждаясь произведеннымъ эффектомъ.

— Однако, вы анекдотистъ! сказалъ Лиліенштернъ.

На его спокойномъ лицѣ, въ добрыхъ, умныхъ глазахъ, а также въ голосѣ ясно проглядывала иронія. Но Пурлевичъ

ничего не видѣлъ, принимая это замѣчаніе, какъ дань своей удивительной способности.

— Да что? отвѣчалъ онъ, — и самодовольная улыбка растянула его физиономію: — я вамъ только рассказалъ три, а я ихъ знаю двадцать... что двадцать!... Я еще не въ ударѣ!

— И все такіе же острые? и въ томъ же духѣ? спросилъ Лиліенштернъ.

— Ну, есть и поскромнѣе! съ ужимкой сказалъ Пурлевичъ.

— Поскромнѣе! Знаю его анекдоты поскромнѣе! съ хохотомъ замѣтилъ Макаровъ.

— Однако, господа, уже скоро часъ, сказалъ Севрюгинъ, подымаясь изъ-за стола: — пора по домамъ. Гости посидятъ да и домой уйдутъ.

Шумно поднялась компанія; надѣлись скюртуки и начались прощанья.

— Ну, спасибо, Юлій! дай лапку! спасибо, дружище, за хлѣбъ за соль! угостилъ вотъ по какое время! говорилъ Севрюгинъ, пожимая руку Лиліенштерну и показывая себѣ на горло.

— Вѣришь ли, до сихъ поръ еще отъ обѣда тяжело... А вотъ поди, опять за ужиномъ наѣлся, какъ будто не обѣдалъ!

— Прощай, Финка! Ну, я, думаю, тебѣ надоѣлъ? Вѣрно, еще до сихъ поръ въ ушахъ шумитъ отъ меня? говорилъ Вороничъ.

— Прощайте, Юлій Петровичъ! Такъ вы пришлите ко мнѣ квартирмистра: я ему дамъ рецептикъ-то отъ подсѣдъ, говорилъ Зеленчукъ.

— Наше вамъ! къ намъ милости просимъ! хоть плюнуть зайдите! говорилъ Егоръ Филипычъ Дулинъ.

Лиліенштернъ пожималъ съ чувствомъ всѣ протянутыя руки и благодарилъ за пріѣздъ, общаясь у всѣхъ побывать непременно. Хата опустѣла, всѣ уходили одинъ за другимъ и сажались на телѣги. Кони, застоявшись, фыркали и топтались въ темнотѣ. Вороничъ уже шумѣлъ какъ сумасшедшій, садясь вмѣстѣ съ Севрюгинымъ. Посыпались прощанія: «прощай, Юлій! прощай, Финка! сдѣлайте ваше одолженіе, Юлій Петровичъ, не безпокойтесь!» Слышался голосъ Дулина и вслѣдъ затѣмъ его обращеніе къ своему кучеру: «да стой ты, анаеема! сѣсть нельзя.»

— Да стой! послышался голосъ Холоденко, уже къ лошадамъ: — жидъ те дери! волкъ тебя заѣшь!

Скоро зашумѣли въ темнотѣ колеса, и все, фыркающая и топающая, съ различными восклицаніями, отправилось изъ села.

II.

Лиліенштернъ и Сухопарый сидѣли въ хатѣ за утреннимъ чаемъ. Чай и въ этой хатѣ пили такъ же долго, какъ и въ хатѣ Сухопараго и Торстенсона. Что дѣлать! приходится часто повторять одно. Однообразна армейская жизнь: поневолѣ станешь говорить про питье чая, про обѣды и ужины — это главные періоды дня, когда завязывается армейская бесѣда. На походѣ есть разнообразіе, происходящее отъ переменъ мѣстъ; на стоянкахъ этого нѣтъ: поневолѣ будешь рассказывать все самыя обыденныя вещи.

Въ хатѣ Лиліенштерна всѣ окна, исключая одного, были занавѣшены наглухо различными тряпками, темными солфетками, попонками и даже старымъ одѣяломъ. Одно только, затянутое бѣлымъ холстомъ, и пропускало свѣтъ въ хату. Это дѣлалось постоянно изъ желанія побыть въ прохладѣ, во время страшной жары молдаванскаго лѣтняго дня.

— Экъ парить! сказалъ Сухопарый.

— На то и лѣто, чтобы было жарко, отвѣчалъ Лиліенштернъ, прихлебывая изъ стакана и выпуская клубы дыма.

— Ваше благородіе, заговорилъ деньщикъ Лиліенштерна, вошедшій въ это время въ хату, и улыбаясь, по обыкновенію, сладчайшимъ образомъ: — жидь-корчмарь пришелъ, желаетъ васъ видѣть.

— Что ему нужно?

— Не могу знать-съ.

— Пусть войдетъ.

— Ай, ваше высокоблагородіе, жалобнымъ голосомъ, постоянно мѣняя тоны и говоря то скороговоркой, то растягивая слова, заговорилъ вошедшій въ хату жидь.

Еврей былъ человекъ лѣтъ подь сорокъ, высокаго роста и здороваго, коренастаго тѣлосложенія, что у нихъ рѣдкость. Одѣтъ онъ былъ въ нанковомъ жилетѣ, коротенькихъ штанахъ, чулкахъ и башмакахъ. Рукавъ рубашки былъ разорванъ, песики разстрепаны и подь лѣвымъ глазомъ багровое пятно.

— Ай, ваше высокоблагородіе! разбой! ай, ваше высокоблагородіе!

— Да что тебѣ? хладнокровно спросилъ Лиліенштернъ: — поколотили? говори толкомъ!

— Ай, ваше высокоблагородіе! опять застоналъ жидъ: — а это васъ зе солдатъ! Еремеевъ! Онъ меня убилъ, и все раззоривъ, и.....

— погоди! строго сказалъ Лиліенштернъ: — вахмистръ!

— Чего изволите, ваше благородіе? отвѣчалъ вахмистръ, показывая свою лысую, красную голову изъ-за жидовскаго плеча

— Здѣсь Еремеевъ?

— Здѣсь, ваше благородіе!

Изъ-за другаго жидовскаго плеча показалась еще солдатская фигура, небольшого роста, сухая и сморщенная, неопредѣленныхъ лѣтъ; на физиономіи было какое-то печально сосредоточенное выраженіе.

— Что у нихъ тамъ такое случилось? спросилъ опять Лиліенштернъ.

— Да Еремеевъ, ваше благородіе, загулялъ, сказалъ вахмистръ: — а я и не досмотрѣлъ, ваше благородіе, какъ онъ на постоялый дворъ ушелъ. Да ндравъ-то у него несчастливый больно, ваше благородіе: драчливый такой! какъ за галстухъ зальетъ....

На лицѣ Еремеева печальное выраженіе приняло еще болѣе тоскливый видъ. Казалось, онъ самъ сознавалъ, что глубоко несчастливъ, что у него такой драчливый ндравъ, когда зальетъ за галстухъ.

— А Еремеевъ совѣмъ собака! совѣмъ разбойникъ, ваше благородіе! вдругъ воодушевившись, забормоталъ жидъ, разводя руками: — а онъ меня убивъ и жинку убивъ!....

— погоди! опять остановилъ его Лиліенштернъ. — Ну! сказалъ онъ, обращаясь къ вахмистру.

— Только, продолжалъ вахмистръ: — я слышу, ваше благородіе, на постояломъ дворѣ шумъ: я туда, а тамъ Еремеевъ ужъ жиды и притаскалъ. Вѣдь этакое несчастіе, прости Господи!

— Еремеевъ! крикнулъ Лиліенштернъ.

Еремеевъ выдвинулся впередъ и вытянулся въ струнку. Лицо у него, по прежнему, было необыкновенно грустное; что-

то рѣшительное видѣлось на немъ, какъ у мученика, котораго готовы казнить за правое дѣло.

— Ты билъ жидѣ?

— Билъ, ваше благородіе! громко и рѣшительно отвѣчалъ Еремеевъ.

— А какъ же не бивъ, ваше благородіе? опять застоналъ жидъ: — вотъ и по мордѣ меня съѣздивъ! совсѣмъ больно! говорилъ онъ плачущимъ голосомъ, указывая на пятно подъ глазомъ: — и жинку побивъ! также побилъ!

— А жидовку ты колотилъ? спросилъ Лиліенштернъ у Еремеева.

— Колотилъ, ваше благородіе! также громко и рѣшительно отвѣчалъ Еремеевъ.

Въ это время еврей выдвинулъ впередъ своихъ сыновей, одного лѣтъ шестнадцать, а другаго двѣнадцать. У старшаго носъ вздулся пузыремъ и былъ багрово-синій; остатки запекшейся крови видѣлись на щекахъ. Мальчикъ съ торжествомъ выставилъ напоказъ публикѣ свой набрякшій носъ; у младшаго распушіе и покраснѣвшіе уши торчали въ стороны, одно даже наклонилось книзу.

— Ай, ваше благородіе! началъ снова еврей: — онъ и больше бивъ! А и видите ли, ваше благородіе, что онъ съ носомъ сдѣлалъ? Онъ и другаго сына трепавъ!

Лиліенштернъ поглядѣлъ на Еремеева: тотъ стоялъ, по прежнему, вытянувшись въ струнку.

— Ты билъ ребятъ? спросилъ Лиліенштернъ.

— Билъ, ваше благородіе! быстро отвѣчалъ Еремеевъ:—они родителей защищали, когда тѣхъ колотилъ.

— Зачѣмъ же ты драку затѣялъ? Тебя обидѣли, что ли?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе! никакой обиды не было: такъ колотилъ.

— Какъ такъ? изъ-за чего же нибудь да началось?

— Ндравъ такой, ваше благородіе! Ни съ чего не началось! А какъ выпью, такъ и бью всѣхъ, ваше благородіе; а жиды ни въ чемъ непричинны, ваше благородіе! такъ побилъ! смѣло и рѣшительно отвѣчалъ Еремеевъ.

— Вѣдь этакое несчастіе! вступился вахмистръ: — вѣдь этакъой ндравъ драчливый, какъ выпьетъ рюмку человѣкъ. Вѣдь совсѣмъ смиренъ, ваше благородіе, какъ тверѣзъ, а какъ выпьетъ, ужъ и самъ знаетъ: свяжите, молъ, говорить, меня, братцы, а то

бить начну. Вѣдь этакое несчастье, прости Госноди! добавилъ вахмистръ съ соболѣзнованіемъ.

— Какъ выпью, ваше благородіе! заговорилъ Еремеевъ: — кажиной разъ прошу; тутъ одинъ былъ, ваше благородіе, грѣхъ попуталъ: связать было некому. А жида ни въ чемъ не причинны. Вина вся моя состоитъ, ваше благородіе: ндравъ такой!

— Хорошо! сказалъ Лиліенштернъ:—возьми его, вахмистръ! Я распоряджусь.

— Слушаю, ваше благородіе! говорилъ вахмистръ, поворачиваясь налѣво кругомъ, форменнымъ образомъ, и нагибаясь, чтобы выйдти въ дверь вслѣдъ за Еремеевымъ.—Вѣдь этакое несчастье такой ндравъ имѣтъ! Вѣдь просто хоть и вина не пей!

— Ну, какъ тутъ строго накажешь? сказалъ Лиліенштернъ вполголоса, обращаясь къ Сухопарому. — Я и самъ знаю, что Еремеевъ—старый преисправный, прескромный солдатъ и самый честнѣйшій человекъ. Будь только трезвъ, такъ не только онъ жидовъ, его хоть жида приберей, такъ онъ отойдетъ, никакой исторіи не затѣетъ; а какъ выпьетъ—и пошло. Хоть рѣдко напиивается, а рѣдкій разъ безъ исторіи. Конечно, взыщу, хотя и не очень строго, а все жаль! добавилъ онъ.

— Надо жидовъ удовлетворить другимъ образомъ.

Еврей вслушивался въ тихій разговоръ офицеровъ.

— Ну, хорошо! сказалъ Лиліенштернъ:—вотъ тебѣ, Ермеликъ, за побои, а съ солдата взыщутъ. Да смотри и тебѣ не пройдетъ даромъ: если у тебя мои солдаты будутъ пьянствовать, а ты не дашь тотчасъ знать вахмистру или дежурнымъ, смотри: тогда и жалобъ твоихъ не приму... Стунай....

Жидовское семейство исчезло, вполне удовлетворенное за неприяности, попесенныя цѣлымъ семействомъ.

— Однако, пора на эскадронъ поглядѣть, сказалъ Лиліенштернъ, надѣвая на себя желтое коротенькое пальто, называвшееся въ своемъ кружкѣ пиджакой, и взявшись за фуражку.

— Вы пойдете, Михайло Семенычъ?

— Нѣтъ! останусь дома.

— Ну, до свиданія.

Лиліенштернъ ушелъ. Ни жаръ, ни дождь, ни слякоть не останавливали этого человекъ. Во всякую погоду, во всякое время дня и года, онъ постоянно слѣдилъ за всѣмъ въ своемъ эскадронѣ. Всюду заглянетъ, знаетъ всякаго солдата не только по имени, но и наклонности каждаго, каждую лошадь, какъ че-

ловѣка, все зналъ. Но онъ умѣлъ это дѣлать, не надоѣдая людямъ, которые не дичились его; работа шла всегда какъ-то веселѣе и спорѣе тамъ, гдѣ онъ находился. А самъ былъ не суетливъ, говорилъ мало и никогда не бранился. Тихо и спокойно, покуривая сигару, въ своемъ желтомъ пальто, онъ показывался то тамъ, то сямъ и вездѣ поспѣвалъ. Глядишь, онъ вдалькѣ вѣду унтеръ-офицерамъ дѣлаеть; не успѣешь отвернуться, а онъ ужъ въ самомъ селѣ смотреть въ какомъ нибудь взводѣ лошадей на выводкѣ, а тамъ, въ другомъ углу, ужъ кашу изъ котла пробуетъ. Все успѣвалъ, а, кажется, не торопился никогда и дома сидѣлъ довольно. Всегда тихо и спокойно, безъ злобы онъ даже и наказывалъ, и самъ, кого наказывалъ, это чувствовалъ и принималъ наказаніе, какъ будто ему же одолженіе сдѣлалъ, а потому, поднявшись, еще любезнѣе смотрѣлъ на эскадроннаго командира. Черезъ нѣсколько времени самъ наказанный обращался съ вопросомъ къ эскадронному командиру, какъ будто между ними никакихъ непріятностей не произошло. Да, дѣльный былъ человекъ, съ толкомъ! на дѣлѣ показывалъ, что всякое дѣло достойно и велико, коли его хорошо дѣлаешь.

— Чтò, тепло, Юлій Петровичъ? спросилъ старшій Кругликовъ у Лиліенштерна, который входилъ въ хату.

— Да, ничего.

— Какое ничего! Я едва къ вамъ изъ своей хаты дошелъ, а всего, кажется, 25 шаговъ счетомъ!

— Разнѣжились!

— Ну, да вѣдь и жарко! сказалъ Кругликовъ, обмахиваясь и ложась на диванъ.

Старшій Кругликовъ былъ молодой человекъ лѣтъ 22, невысокаго роста, коренасто-сложенный, съ чисто-великороссійскимъ, широкимъ, здоровымъ лицомъ. Густые каштановые волосы и небольшіе усы были тщательно расчесаны и приглажены. Кругликовъ сильно занимался внѣшностію и считался однимъ изъ полковыхъ щеголей.

— А пожалуй, что пора и обѣдать, сказалъ Лиліенштернъ, смотря на часы:—уже скоро часъ. Семень! накрывай на столъ! крикнулъ онъ.

— Сейчасъ, ваше благородіе! отозвался Семень.

Черезъ нѣсколько минутъ, онъ, попрежнему, улыбаясь самымъ медовымъ образомъ, уже накрылъ на столъ и подаль ординарное походное блюдо — супъ съ рисомъ и курницей.

Всѣ принялись за пищу.

— Что-то у насъ въ Питерѣ подѣлывается? сказалъ Сухопарый.

— Что-то у насъ въ Михайловскѣ подѣлывается? сказали вдругъ оба Кругликовы.

— Вотъ, заговорилъ старшій:—городъ такъ городъ! И Петербурга вашего не надо! Какія собранія, балы, прогулки, женщины, актрисы! Да, можно сказать, что есть гдѣ пожить.

— А вы много наслаждались жизнью въ Михайловскѣ? спросилъ Диліенштернъ: — я что-то этого не помню.

— Какъ же не жить? Всѣхъ знаешь, всѣ тебя знаютъ; а театръ, какой театръ! Конечно, немножко раззорительно: пріѣхать, бывало, актриса, привезетъ билетъ на свой бенефисъ, ну ужъ тутъ, конечно, мало дать нельзя.

— Ну, а сколько же вы платили?

— Рублей десять, двадцать, смотря по достатку!

— Сколько? сказалъ младшій Кругляковъ. Ну, Мишель, какъ хочешь, а ты привралъ. Во первыхъ, къ тебѣ актрисы билетовъ и не привозили.

— Много ты знаешь! отвѣчалъ старшій, немного покраснѣвъ: — ты жилъ всю зиму у себя въ деревнѣ: много ты видѣлъ!

— Да признайся, вѣдь привралъ.

— Ну, убирайся! съ досадою отвѣчалъ тотъ и замолчалъ.

Разговоръ затихъ, но скоро возобновился: Сухопарый и Диліенштернъ говорили, какъ водится, о службѣ, потомъ, неизвестно почему, коснулись литературы и заговорили объ «Histoire des Girondins», которую только что привезли изъ Яссы. Судь ограничивался только восклицаніями: «а помните, какъ это хорошо? а это еще лучше! а вотъ то!» и т. д. Однимъ словомъ, видно было, что оба весьма довольны сочиненіемъ, и выражали взапуски свое удовольствіе. Кругликовы надулись другъ на друга и молчали. Старшій, впрочемъ, рѣдко и принималъ участіе въ разговорахъ, если только они не касались известной темы: женщинъ, лошадей и его любимаго Михайловска. Вообще онъ не былъ молчаливъ, но любилъ участвовать только въ тѣхъ разговорахъ, гдѣ эти три предмета постоянно играютъ первенствующую роль. Мало ли, впрочемъ, подобной

молодежи! Это даже и не армейскій типъ, а общій. Мало ли найдешь молодежи, которая куда какъ говорлива и въ холостой компаніи и съ дамами! Въ холостой компаніи о чемъ бы ни заговорили, хоть о страшномъ судѣ, непременно дойдутъ до извѣстнаго сорта дамъ, и начнется эта тема разрабатываться на всѣ лады и постоянными приговорками «ахъ, господа, а хороши мы! какъ мальчики лѣтъ 16 или 17, у которыхъ страсти только что начинаютъ разыгрываться!» Сюда, въ кавалеріи, примѣшиваются толки о лошадяхъ, въ пѣхотѣ иногда даже и ничего не примѣшивается, а развивается эта тема на чистоту. Часто говорится объ удовольствіяхъ свѣтской жизни, о театрахъ; смотря по мѣстности, петербургскіе жители упоминаютъ о Дюссо, о балетѣ, оперѣ, московскіе — о тамошнихъ театрахъ; побывавшіе въ Варшавѣ — о тамошнихъ цукерняхъ и женской прислугѣ; жившіе въ Одессѣ — объ одесской оперѣ и прогулкахъ по Ришельевской улицѣ и бульвару. Наконецъ каждое мѣсто—неисчерпаемый источникъ для разговоровъ. Темы однѣ, но развиваются постоянно и всѣмъ нравятся. Конечно, подобная молодежь весьма не любитъ такъ называемыхъ ученыхъ компаній, гдѣ говорятъ обо всемъ, но не на эти три темы. Тамъ юношество молчитъ и только зѣваетъ. Таковъ былъ и Кругликовъ. Слово *Histoire des Girondins* сковало ему уста.

— Юлій Петровичъ! приказъ привезли, сказалъ вдругъ вошедшій Семенъ.

— Давай сюда.

Приказъ принесли. Это была толстая, замасленная книга. Листы ея жили какъ-то всякій по себѣ, каждый по краямъ былъ загнутъ и сторонился отъ товарища. Снурки въ книгѣ, какъ обыкновенно, шли накосъ. Пишутся указы крупнымъ, довольно красивымъ, но чрезвычайно небрежнымъ почеркомъ. Это происходитъ оттого, что дѣлается или очень рано по утру, а чаще поздно вечеромъ, когда писарь или въ сонномъ, или въ пьяномъ расположеніи духа. Тонъ указовъ, какъ и всѣхъ указовъ, повелительный. Сначала нарядъ на службу; потомъ, если нѣтъ ничего особеннаго, то прямо начинаются пункты: поручику такому-то сдѣлать то-то или явиться туда-то; лошадь такую-то перевести изъ такого-то эскадрона въ такой; а тамъ опять упомянуть о какомъ нибудь поручикѣ или прапорщикѣ, а тамъ объ обозѣ, смотря по вдохновенію адъютанта и способности къ литературнымъ трудамъ старшаго писаря. Иногда при-

казъ начиняется словами: замѣчено мною, и далѣе слѣдуетъ цѣлая драма о какомъ нибудь неустройствѣ въ полку. Хотя это не было вовсе лично замѣчено и даже видимо, а замѣчено или адъютантомъ, или казначеемъ, а иногда и штабъ-трубачемъ или другимъ какимъ либо болѣе значительнымъ штабнымъ лицомъ, но пишется: замѣчено мною.

Маленькій Кругликовъ, взявъ въ руки приказъ, назвалъ его книгою судебъ и сталъ его листать, отыскивая знакомыя имена въ числѣ наряженныхъ на службу, безъ очереди, или упомянутыхъ съ приказаніемъ: а такому-то поручику или прапорщику N числится, за оный поступокъ или отступленіе по службѣ, на полковой гаубтвахтѣ, и ѣхать ему, то есть поручику или прапорщику N, во время похода, за полковымъ ящачкомъ. Въ рѣдкомъ приказѣ этого не было.

— Да полно вамъ! сказалъ Лилиенштернъ: — читайте лучше послѣдній приказъ.

— Сейчасъ, сказалъ Кругликовъ: — а вотъ третьяго-дня я былъ наряженъ по пожарамъ.

— Вопросъ, для чего въ походѣ эти наряды дѣлаются, сказалъ Сухопарый: — когда мы приказа иногда по цѣлымъ неделямъ не видимъ? Смотришь, что ты по приказу былъ на службѣ, а ты себѣ въ это время преспокойно спалъ верстахъ въ десяти или пятнадцать отъ штаба и не подозрѣвалъ, что твое имя числится въ нарядѣ.

— А вотъ еще, продолжалъ Кругликовъ:—деньщика штабсъ-капитана Носова поймали.

— Ну, что же?

— Велѣно адъютанту собрать всѣ штабныя команды и показать 150 ударами лозановъ.

— Кого? команды?

— Нѣтъ, должно быть, деньщика!

— Назидательно! сказалъ Лилиенштернъ, крутя усы: — ну, дальше.

— А! вдругъ закричалъ Кругликовъ, живо перебирая пункты:—о васъ рѣчь, Михайло Семенычъ!

— Что тамъ? съ любопытствомъ сказалъ послѣдній.

— Гм, крикнулъ Кругликовъ и началъ: «за болѣзнію командира Фурштатской команды, поручика Араратова, принять начальство надъ оною командою поручику Сухопарому, для чего и прибыть ему немедленно въ штабъ полка».

— Честь имѣю поздравить, Михайло Семенычъ! сказалъ Кругликовъ: — съ новымъ назначеніемъ. Пожалуйста, шейте себѣ поскорѣе сѣрый мундиръ.

— Чортъ побери! сказалъ Сухопарый: — ну, мундира-то себѣ не сошью, а все-таки досадно, какъ затычкой для какого нибудь Араратова служить!

— А все вотъ васъ за строптивость казнятъ! опять началъ Кругликовъ: — отчего визита адъютанту не сдѣлалъ? Ну, фурштатами теперь и командуйте.

— Полно вамъ, трещотка, отвѣчалъ Сухопарый: — вѣдь толкуете, и сами не знаете! Ну, зачѣмъ бы я визиты поѣхалъ дѣлать? на походѣ это очень удобно! Я нарочно, какъ явился въ полкъ, черезъ день или два, на дорогѣ подѣвжалъ къ нѣкоторымъ и рекомендовался. Вотъ Юлій Петровичъ еще меня со многими познакомилъ. А то еще надѣвай на дневкѣ мундиръ да тащись за тридевять земель! Когда это выведется?

— Да это не вездѣ и есть, сказалъ Лиліенштернъ: — у насъ тонируютъ больно.

— Ну, фурштатъ, когда же вы отъ насъ уѣдете въ ваши войска? спросилъ Кругликовъ.

— Да сеѣчасъ же.

— Поѣзжайте лучше подъ вечерокъ. Чтѣ за охота теперь жариться!

— Нѣтъ, нарочно поѣду сеѣчасъ же и зайду еще къ адъютанту, покажу, что это меня нисколько не тронуло; досадно только, что придется разстаться съ семействомъ, сказалъ Сухопарый: — я вѣдь здѣсь, право, какъ у себя дома, въ семьѣ. Теперь даже и браниться будетъ не съ кѣмъ.

— Ну, я къ вамъ завтра же гостить на нѣсколько дней приѣду, отвѣчалъ Кругликовъ.

— Спасибо, душенька! Нечего дѣлать, а отправляться нужно.

— Отправляться-то нужно, сказалъ Лиліенштернъ: — а осгаваться тамъ не зачѣмъ.

— Да какъ не оставаться? надо же команду и лошадей принять.

— А вы думаете, что вы лошадей примете? Вамъ Араратовъ отдастъ, хоть на время, до 200 лошадей? Хорошо же вы знаете этихъ господъ. Просто этотъ шелопуть (Лиліенштернъ любилъ слово шелопай, но Богъ его вѣдаетъ, какъ ужъ у него оно пе-

редѣлалось въ шелопуть) хочетъ отдѣлаться отъ какого нибудь смотра, не хочетъ на немъ присутствовать лично, потому рапортъ и тиснулъ. Вотъ вы увидите: онъ вамъ объяснитъ, что у него поясница побаливаетъ или сапоговъ надѣть не можетъ, а въ халатѣ да въ туфляхъ къ начальнику не выйдешь, такъ онъ потому и рапортовался больнымъ; хозяйство же, попрежнему, останется на его рукахъ; вамъ будетъ беспокоиться нечего, а потому числитесь только начальникомъ фурштатовъ и живите себѣ хоть за двадцать верстъ отъ нихъ. Только вы смотрите, чтобъ этотъ шелопуть не поддѣл васъ на эту штуку: оно соблазнительно — и себѣ хорошо и передъ начальствомъ не отказался. За то, какъ какой нибудь смотръ будетъ, Араратовъ въ сторонѣ, а васъ испудить какъ нельзя быть лучше. А вы знаете, что сдѣлаете? Вы прїѣзжайте къ нему и скажите, что принимаете у него команду на законномъ основаніи. Побранитесь, что дѣла будетъ много, и скажите, что сейчасъ же ѣдете въ степь осматривать табуны. Больше не надо: увидите, что выздоровѣетъ.

— Кланяйтесь, Михайло Семенычъ, сказалъ Кругликовъ, наклоняя его голову:—видите, какъ разъ объяснили. Опять будемъ съ вами браниться, попрежнему, здѣсь же.

— Кланяюсь, кланяюсь! отвѣчалъ Сухопарый, принимаясь одѣваться: — да и не мнѣ одному и не за это только пришлось бы поклониться Юлію Петровичу.

— Охота вамъ вздоръ молоть! сказалъ хладнокровно Лиенштернъ:—отправляйтесь—ка лучше поскорѣе: вѣдь до штаба недалеко—едва къ вечеру успѣете вернуться.

Минуть черезъ десять Сухопарый уже ѣхалъ по долинѣ на своемъ упряжномъ конѣ, пробираясь цѣликомъ черезъ рытвины и небольшіе, но глубокіе овражки. Солнце жгло страшно; на всемъ былъ какой-то жаркій, желтоватый оттѣнокъ. Изрѣдка бѣдная, жиденькая, но сохранившая зеленый цвѣтъ, травка еще видѣлась около жога высохшаго ручья или на бокахъ рытвинъ; въ другихъ же мѣстахъ вездѣ она была желтаго или пепельнаго цвѣта. Чѣмъ дальше Сухопарый отъѣзжалъ отъ села, тѣмъ унылѣе, суше становилась мѣстность, зелени нигдѣ и въ поминѣ не было; только по обѣимъ сторонамъ долины тянулись, попрежнему, огромные, сѣрые холмы, на которыхъ изрѣдка вздымалась небольшими облачками пыль, то тамъ, то сямъ поднятая или Молдаваномъ, спѣшившимъ домой, или солдатомъ, посланнымъ

по службѣ. Славно въ салѣ и привольно, и пріятно, и дышется легче. Ничего этого нѣтъ верстахъ въ трехъ или четырехъ отъ него, и какъ-то жарче кажется отъ этой унылой, однообразной мѣстности. Странное дѣло обязанность! Когда сидишь въ жаркую пору, съ занавѣшенными окнами, боясь пустить въ хату малѣйшій солнечный лучъ, опасаясь его пуше смертнаго врага, кажется, такъ душно и тяжело, хотъ сидишь почти безъ всего, что выйди только на воздухъ, такъ просто изжаришься. Нужно куда нибудь отправиться: человекъ надѣваетъ на себя черное суконное платье, каску, лядунку, шарфъ, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ какъ ни въ чемъ не бывало. Ёдешь и самъ дивишься: казалось, что въ хатѣ, сидя безъ сюртука, было жарче, а здѣсь слышно, что жжетъ, а ничего, терпѣть можно хорошо. Великое дѣло обязанность! подкрѣпляетъ она человека; самъ онъ, по своей охотѣ, куда нибудь отправится, смотришь—и раскисъ совсѣмъ, да, пожалуй, еще потерпѣть, потерпѣть, да и скажетъ: нѣтъ, нехорошо, вернусь лучше. Если есть убѣжденіе, что это необходимо, нужно, и тѣло какъ будто повинуется ему и не смѣетъ доложить, что ему больно трудно, и вытерпливаетъ.

И здѣсь яркое полуденное солнце обливало каску Сухопарого, жгло ему кончикъ носа и нижнюю часть лица, и то уже похожіе цвѣтомъ на нечищенные сапоги, отражалось звѣздами въ кованыхъ эполетахъ, распалало кожу на тѣлѣ и сильно нагрѣвало сукно, а онъ ѣхалъ, сохраняя невольно, по привычкѣ, посадку, нѣсколько сгорбившись, и, прищурившись, смотрѣлъ вдаль.

Пыль густымъ слоемъ садилась ему на грудь, забивалась въ складки широкаго сюртука и пудрила спину. Лошадь, нѣсколько вытянувъ шею и двигаясь небольшою иноходью, довольно быстро подвигалась впередъ. Потъ струился по мордѣ добраго животнаго и иногда пробѣгалъ быстрою струею по запыленной шеѣ и груди къ самымъ копытамъ. Слѣпни вертѣлись около, выбирая мѣста, гдѣ было поменьше пыли и гдѣ бы ихъ конь не досталъ хвостомъ. Нѣсколько слѣпней усѣлись и на спину всаднику, который, осматриваясь повременамъ, сгонялъ ихъ нагайкой съ лошади. Конь, видно, понималъ, что эти удары не означаютъ понужденія, а служатъ ему только спасеніемъ отъ докучливыхъ враговъ, потому принималъ ихъ съ видимымъ удовольствіемъ и только качалъ головою и помахивалъ хвостомъ, не усиливая скорости походки.

Шире и шире дѣлалась долина. Сухонарый выѣхалъ на дорогу, которая спускалась съ горы и бѣжала чрезъ засохшія лужи, мимо большаго болота, къ жидовскому мѣстечку Подулилоайя. Мѣстность, по которой ѣхалъ Сухонарый, представляла небольшую впадину, которая, весною, видно, была залита водою. Теперь же она была покрыта гладкою, покоробившеюся глинистою корою, которая, дѣлаясь все темнѣе и сырѣе, шла къ болоту, по окраннымъ котораго видна была глубокая, густая, почти черная грязь. Уныло смотрѣло болото, остатки, быть можетъ, озера или слѣды бѣжавшей когда-то рѣки. Мутная сѣрая вода, казалось, была такъ густа, что почти и не могла плескаться отъ дуновенія вѣтра. Изрѣдка по ней пробѣгала лѣнивая струйка отъ нырнувшей лягушки. Подѣхавъ къ болоту поближе, можно было замѣтить множество этихъ животныхъ, огромныхъ и темнаго, почти чернаго цвѣта. Лягушки, выставивъ свои головы изъ воды и растянувъ члены, парились на солнышкѣ. Все было тихо и безмолвно; даже лягушки были здѣсь какого-то молчаливаго характера: крика ихъ слышно не было. Около болота, въ грязи по колѣно, не двигая головою, не махая хвостами, стояло нѣсколько буйволовъ. Огромныя животныя, съ отогнутыми рогами назадъ, съ крутыми, массивными членами бурога цвѣта и покрытыя грязью, какъ корой, казались вылитыми изъ чугуна и бронзированными. Нѣкоторыя изъ нихъ виднѣлись въ лежачемъ положеніи въ водѣ, выставляя напоказъ только головы и часть спины. Всѣ, какъ лежавшія, такъ и стоявшія, подъ стать всему окружающему, сохраняли упорную, мертвенную неподвижность.

Мѣстечко Подулилоайя стояло на большой дорогѣ, ведущей въ Яссы. Издали мѣстечко еще было похоже на что нибудь порядочное; но вблизи это была какая-то куча грязныхъ чулановъ или другихъ еще менѣе приличныхъ построекъ, безъ оконъ. Отдѣльныхъ домовъ видно не было: по обѣимъ сторонамъ улицы громоздились чуланы, лавки, лавочки одна на другую. Постройки цѣплялись одна за одну, и все вмѣстѣ представляло какой-то безобразный хламъ, съ окнами, низенькими дверями, растворенными вездѣ настежь. Мѣстечко было населено Жидами. Здѣсь три четверти построекъ были лавки, то съ различными настойками, водками и винами, которыя стояли на показъ публикѣ въ большихъ стеклянныхъ фіолахъ, то съ жидовскими кренделями, то съ крестьянскими товарами. Почти всякій

домъ торговалъ чѣмъ нибудь: въ иномъ на окошкѣ виднѣлись только двѣ, три пачки гусиныхъ перьевъ, нѣсколько коробочекъ спичекъ и палочки двѣ сургучу—это означало, что тутъ производится торгъ канцелярскими принадлежностями. Здѣсь изъ туземцевъ какъ будто потребителей не было, а были только производители. Каждый производилъ хоть какую нибудь дрянъ, а все-таки производилъ. Улица была чрезвычайно неправильная. Казалось, что чуланы, составлявшіе постройки по обѣимъ ея сторонамъ, дѣлали неимоверныя усилія, чтобы удержаться на своемъ мѣстѣ и не соединиться со своими ближними, находящимися по другую сторону, потому что всѣ домишки какъ-то склонялись къ лицевой сторонѣ. Во многихъ мѣстахъ, иной чуланъ, не удержавшись, выбѣгалъ почти на середину улицы; тоже въ другомъ мѣстѣ дѣлалъ его товарищъ на другой сторонѣ улицы, отчего послѣдняя и принимала самые прихотливые изгибы—въ видѣ извивающейся рѣчки. Болото съ лягушками, съ грязью и буйволами врывалось въ самый центръ мѣстечка. Чуланы обляпали и болото, чрезъ которое былъ построенъ мостъ изъ какихъ-то щепокъ, тоже въ стилѣ архитектуры всего мѣстечка. Единственный домъ, имѣвшій четыре угла, а не двадцать, по образцу своихъ сосѣдей, находился около моста. Этотъ домъ уже былъ въ молдаванскомъ вкусѣ, имѣлъ довольно большія окна съ желѣзными рѣшетками и содержался поопрятнѣе прочихъ. Въ немъ стоялъ полковой командиръ. За постройками мелькали палатки нестроевыхъ и зеленый форменный обозъ. Въ мѣстечкѣ была постоянная жизнь съ утра до вечера; жители успокоивались только часа на два. Вездѣ, въ каждомъ чуланѣ, торчало по Жиду, въ грязныхъ шерстяныхъ чулкахъ, въ ермолкѣ и безъ сюртука, или по Жидовкѣ, или по Жиденку, множество которыхъ, кромѣ того, разгуливало по улицамъ. Въ сосѣдствѣ съ стеклянными сосудами съ разноцвѣтными питіями виднѣлись обыкновенно солдатскія головы въ фуражкахъ и деньщицкія безъ всякихъ покрывекъ. Деньщики выбѣгали на улицу временно, и эти сосуды служили имъ вмѣсто маяка; здѣсь были постоянно сборы, хотя бы и безъ цѣли выиграть, а только побыть поблизости напитоковъ. Наружные фасады были неимоверно пестры. Иной бы съ разу подумалъ, что готовится какая нибудь встрѣча: но, за неимѣніемъ ковровъ, жители на множествѣ перекладинъ вывѣсили разноцвѣтныя платья: сюртуки жидовскіе, чулки, жилеты, солдатскіе рейту-

зы, рубахи и тому подобное. Въ мѣстечкѣ жили необыкновенно открыто: всякое производство дѣлалось здѣсь же на улицѣ; каждый всѣ свои потребности, начиная съ туалета, совершалъ также публично. Конечно, петербургская полиція ужаснулась бы отъ такого неустройства и откровенности и туземцевъ, и пришельцевъ, но здѣсь это дѣло было обыкновенное, а потому никто не думалъ стѣсняться ни малѣйше ни въ чемъ.

Сухопарый, при вѣздѣ, засталъ именно эту картину. Онъ обогнулъ домъ полковаго командира, отдалъ честь солдату, который стоялъ съ ружьемъ около какого-то чулана, гдѣ хранился арестантъ, и направился въ узенькій переулокъ, гдѣ передъ одной лавкой и остановился.

— Дома баринъ? спросилъ онъ у человѣка среднихъ лѣтъ. въ парикѣ и одѣтаго въ гражданскій, довольно щеголеватый костюмъ.

— Дома-съ, отвѣчалъ человѣкъ, играя цѣпочкой отъ часовъ.

Сухопарый соскочилъ съ коня, отдалъ его на руки щеголеватому господину и прошелъ чрезъ лавку въ глубину чулановъ. Пройдя нѣсколько дверей, онъ вошелъ въ довольно обширную комнату, наполненную множествомъ различныхъ походныхъ военныхъ принадлежностей. Здѣсь была и желѣзная постель съ щегольскимъ одѣяломъ, и складные табуреты, и ковры, а на стѣнахъ и на полу и шкатулки, и флаконы, флакончики, зеркала — чего не было! Видно, что здѣсь жили господа подостаточно тѣхъ, у которыхъ мы были въ гостяхъ передъ этимъ, а главное, что, значить, были средства для перевозки такого количества вещей въ походное время, когда всѣ шли на вьюкахъ.

— Здравствуйте, Ипполитъ Ивановичъ! сказалъ Сухопарый, обращаясь къ хозяину компанъ.

— А, Михайло Семенычъ! какими судьбами? изъ эскадрона, вѣрно? отвѣчалъ тотъ, пожимая вошедшему руку.

Офицеръ, къ которому пришелъ Сухопарый, былъ полковой казначей. Это былъ маленькій, тощій человѣчекъ, неопредѣленныхъ лѣтъ, довольно некрасивый, съ небольшимъ сморщеннымъ и длиннымъ лицомъ, покрытымъ сѣрватою кожей и утинымъ носомъ. Въ полку всѣ называли его политикомъ. Дѣйствительно, онъ съ незапамятныхъ временъ былъ казначеемъ, чуть не съ производства въ офицеры. Оказавъ въ новомъ званіи необыкновенно

венныя способности, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, показалъ и всѣ свои дарованія по дипломатической части. Нѣсколько полковыхъ командировъ пережилъ Ильинъ (такова была фамилія казначея). Бывали и добрые полковые командиры, и крутые, и хозяева, и такіе, что въ хозяйствѣ ни бельмеса не понимали, и кулаки, что каждую копейку надо было чуть не со слезами вырывать отъ нихъ: ко всѣмъ умѣлъ примѣниться Ильинъ, при всѣхъ ему было хорошо. А, извѣстно, какъ явится только новое лицо для приѣма полка, то тотчасъ находить, что все старое до него было нехорошо и неладно. Вслѣдствіе этого низвергаются адъютантъ, квартирмейстеръ, казначей; поидеть въ штабу ужаснѣйшая ломка. Сколькихъ адъютантовъ, квартирмейстеровъ пережилъ Ильинъ, все оставаясь упрямо на своемъ мѣстѣ. Иной разъ говорили: ну, ужъ теперь казначею не усидѣть, и, дѣйствительно, слухи доходили, что новый полковой командиръ уже прочилъ кого нибудь другаго на его мѣсто. Приѣдетъ только въ полкъ, смотришь: черезъ день уже Ильинъ ѣдетъ въ экипажѣ полковаго командира, по его собственнымъ надобностямъ. Качали только головой на это офицеры, а Дулинъ обыкновенно говаривалъ: ну, ужъ это, я вамъ скажу, человѣкъ, того, съ сатаной уживется—и у него казначеемъ будетъ! Въ настоящее время, когда полковой командиръ былъ человѣкъ добрый и слабый, Ильину было особенно хорошо.

Ильинъ былъ необыкновенно вѣжливъ и деликатенъ со всѣми, даже съ фурштатскимъ офицеромъ, который часто про него говорилъ: «Ахъ, ужъ этотъ мнѣ добрый! да его бы просто въ енаральный штабъ! Такъ тебѣ въ душу и просится, а смотришь, всѣ тонкости произошелъ: лишній разъ у него телѣги дегтемъ не подмажешь!» Голосокъ у Ильина былъ тонкій и необыкновенно вибрирующій: тоны постоянно то подымались, то опускались. Говорилъ онъ чрезвычайно сладко, всякаго бралъ за руку, обыкновенно обѣими руками. Тѣломъ это былъ какой-то живчикъ. Когда онъ говорилъ, все у него приходило въ движеніе. Обладая дѣйствительнымъ тактомъ, онъ при этомъ все-таки не былъ приторенъ. Никто не умѣлъ ловче его польстить начальнику. У всякаго есть слабая струнка: эту-то струнку отлично и съ перваго разу находилъ Ильинъ. Никто за обѣдомъ у полковаго командира не умѣлъ лучше его дирижировать разговоромъ, который непременно выставлялъ въ выгодномъ свѣтѣ перваго, будь онъ хоть самый неразговорчивый человѣкъ. Безъ казна-

чая какъ-то все не клеилось. Онъ такъ ловко умѣлъ другихъ заставлять говорить то, что хотѣлъ, что часто иной прямодушный начальникъ даже замѣчалъ ему въ припадкѣ откровенности: «ну, Ипполитъ Ивановичъ, кажется ваши товарищи злословить-то любятъ!» Ипполитъ Ивановичъ ихъ же защищалъ отъ этого порока и оставался въ самомъ выгодномъ свѣтѣ у командира. Съ офицерами онъ также держалъ себя весьма хорошо. Правда, что въ счетъ жалованья не давалъ никому, за что многіе его за-глаза называли кулакомъ или Жидомъ, но въ глаза всѣ съ нимъ были очень хороши. Обыкновенно если пріѣзжалъ офицеръ просить денегъ, то оказывалось, что за деньгами только что поѣхали или изъ комиссін не привезли, а въ полковомъ ящикѣ пять цѣлковыхъ, и въ доказательство предлагались собственные, конечно, не болѣе 10 рублей. Вообще, по добротѣ сердца, казначей давалъ только свои собственные деньги. Пошла было молва въ народѣ, что онъ человѣкъ не слишкомъ-то храбрый — Ипполитъ Ивановичъ съумѣлъ сейчасъ же себѣ какую-то дуэль состряпать. Правда, что и онъ остался цѣлъ и его противникъ, но слава осталась при немъ, и злонамѣренные слухи замолкли. Ловкій былъ человѣкъ!

— Очень, очень радъ васъ видѣть, Михайло Семенычъ! говорилъ онъ, держа Сухопараго за руку своими обѣими.

— Я къ вамъ, Ипполитъ Ивановичъ, пріѣхалъ явиться, отвѣчалъ тотъ: — я теперь у васъ подъ командою: въ званіи фурштатскаго офицера! Буду служить вѣрой и правдой!

— Какъ? вы? вы принимаете фурштатскую команду? засемѣнивъ ножками и съ глубокимъ изумленіемъ, сказалъ казначей.

— Да! я уже и приказъ получилъ.

— Полноге, вы шутите! Ну, какъ я бы этого не зналъ?

— Чтò за шутки! вѣдь я, благодаря Бога, умѣю читать!

— Гм! таинственно проговорилъ казначей: — это не даромъ!

— Не знаю ужь, даромъ ли, или не даромъ, а только назначили меня преемникомъ Аратова.

— Скажите? Вѣдь развѣ нѣтъ у насъ Бердюченокъ, Прокопенокъ, Васильевыхъ? совершенно обижаясь на несправедливость, сказалъ казначей. — Нѣтъ, это какое нибудь недоразумѣніе.

— Да какое недоразумѣніе? Вѣдь должны же помнить то, чтò пишутъ! Спасибо генералу за лестное мнѣніе обо мнѣ!

— Нѣтъ, нѣтъ, Михайло Семенычъ, въ этомъ случаѣ я за-

ступлюсь за генерала: онъ нисколько не виноватъ. Онъ просто такъ пропустилъ безъ вниманія.

— Тоже не очень лестно!

— Нѣтъ, здѣсь не то! здѣсь не то! съ жаромъ и понижая голосъ, заговорилъ казначей. — Это! Ну, да сами знаете, какъ у насъ приказы пишутъ.

— Да Богъ съ ними, Ипполитъ Ивашычъ! Назначили, такъ что тутъ толковать!

— Хотите, я сейчасъ схожу къ генералу и представлю, что это вовсе не слѣдъ васъ парлжать на эти должности.

— Нѣтъ, пожалуйста, этого не дѣлайте! Прямо бы всего мнѣ было самому пойдти, да я этого не хочу. Однако, я хочу зайти къ адъютанту. Не пойдѣмъ ли вмѣстѣ?

— Идемъ, идемъ! сказала казначей, и скоро оба вышли изъ дому, направляясь, мимо квартиры полковаго командира, на концъ мѣстечка.

Казначей все время изумлялся крайней несправедливости поваго назначенія и горько приговаривалъ:

— Вотъ какъ у насъ все дѣлается!

Сухопарый упорно молчалъ.

Адъютантъ жилъ почти что на краю самага мѣстечка. Ходъ къ нему также былъ черезъ лавочку съ различными напитками и цѣлымъ жидовскимъ семействомъ.

Квартира адъютанта была также уставлена множествомъ вещей; но здѣсь не было такого строгаго порядка и чистоты, какъ у казначея. Въ комнатѣ сидѣло нѣсколько человѣкъ за карточнымъ столомъ, на полу были разсыпаны табакъ, трубочная зола, окурки папиросъ. Постель стояла не прибранная. За столомъ сидѣлъ адъютантъ, поручикъ Тыртовъ, въ одной рубашкѣ, съ разстегнутой грудью и съ всключенными волосами. Видно, что онъ еще не мылся, вставъ со сна, и тотчасъ же сѣлъ за карты. Тыртовъ былъ человѣкъ средняго роста лѣтъ тридцати-пяти по виду, сложенія довольно крѣпкаго; лицо у него было довольно правильное и даже красивое. Но мѣшки подъ глазами и болѣзненно желтоватый цвѣтъ лица доказывали, что онъ давно уже ведетъ нездоровую жизнь. Онъ металъ банкъ и курилъ изъ длиннаго чубука, который держалъ одними губами, скрививъ голову на сторону. Прочая кампанія кто сидѣлъ, кто стоялъ; всѣ были въ самыхъ характерныхъ костюмахъ и позахъ. Около играющихъ, на табуретѣ, стояла страшная бутылъ съ молдаван-

скимъ виномъ, которое всѣми пилось намѣсто воды, для прохладенія. Приходъ Сухопарога и казначея почти не былъ замѣтенъ.

— Баста! сказалъ адъютантъ, бросая колоду картъ: — побѣдилъ!

— Ну, посмотримъ, что дальше будетъ! отвѣчалъ молодой офицеръ, худой и блѣдный, съ жидкими бѣлокурчми усамн.

Это былъ полковой квартирмейстеръ.

— Что будетъ, то побачимъ! закладывая руки за голову и вытягиваясь, сказалъ Тыртовъ.

Около адъютанта сидѣлъ молодой человекъ лѣтъ двадцати-пяти, средняго роста, съ одной изъ тѣхъ физиономій, въ которыхъ не было ни одной рѣшительной черты; волосы у него были пепельные, цвѣтъ лица сѣроватый, глаза свѣтло-сѣрые, усы сѣрые. Это былъ братъ адъютанта. Михайловскія дамы прозвали его чрезвычайно удачно—линючимъ. Дѣйствительно, онъ не былъ бѣлокуръ и не былъ бѣлъ, а казалось, что онъ все-таки когда-то былъ потемнѣе и посвѣтлѣлъ весь или вылинялъ отъ какихъ-то невѣдомыхъ причинъ. На лицѣ у него была написана скука. Онъ полудежалъ на диванѣ, зѣвая время отъ времени, или лѣнивымъ голосомъ вмѣшивался въ разговоръ. На немъ была щегольская, тончайшаго голландскаго полотна рубашка, съ мельчайшими складками, напоказъ публикѣ. Не перемѣняя позы и едва-едва поворотивъ голову къ Сухопарому, онъ спросилъ его:

— А что вы подѣлываете, Михайло Семенычъ?

— Да вотъ пріѣхалъ въ новую должность вступить.

— Въ какую?

— Да фурштатами командовать, намѣсто Араратова.

Легкая усмѣшка пробѣжала по лицу линючаго Тыртова.

— Такъ вотъ вамъ что поручили!

— Да! видно, лучшей должности прибрать не могли! флегматично замѣтилъ Сухопарый.

Адъютантъ сдѣлалъ видъ, будто не слышитъ, и игра началась снова.

— Да не все ли равно, что ни дѣлать! лѣниво сказалъ младшій Тыртовъ.

— Да, конечно, все равно, особенно, какъ назначать!

— Фурштатъ ли, строевой ли солдатъ — все-равно! прежнимъ тономъ продолжалъ Тыртовъ. — Или для васъ много зан-

читать честь быть передъ фронтомъ? спросилъ онъ Сухопарого.

— Да, въ военное время много значить! спокойно отвѣчалъ тотъ.

— Вы не играете? спросилъ онъ опять.

— Нѣтъ!

— И прекрасно дѣлаете! Я такъ играю собственно для эмпіи. Но вотъ сегодня уже двѣсти рублей спустилъ и не дѣйствують...

— Какъ, и на карманъ не дѣйствуютъ?

— Нѣтъ! все такая же скука! Счастливы тотъ, кого еще бездѣлки занимать могутъ.— Вотъ юноша, сказалъ онъ, указывая на молоденькаго офицера лѣтъ восемнадцати:— романъ устроилъ. Его еще занимаетъ: молодъ еще! — Да когда-то и меня это занимало! прибавилъ онъ, глубоко вздохнувъ.

— Да вѣдь Никитинъ, кажется, былъ въ резервъ?

— Да! Но онъ перепросился въ дѣйствующіе эскадроны.

— Да что у него за романъ такой?

— Онъ... началъ Тыртовъ.

Но въ это время къ столу подошелъ Никитинъ, и Тыртовъ умолкъ, зѣвнувъ во весь ротъ.

Сухопарый посмотрѣлъ на игру еще нѣсколько времени, попрощался со всѣми и вышелъ изъ комнаты на улицу. Пройдя мѣстечко, онъ, по указанію солдата, направился къ отдѣльно стоящей хатѣ на склонѣ горы.

— Сюда, сюда, поручикъ! Вѣрно, меня искать изволите, закричала ему невысокая, довольно толстая фигура, съ красной, лоснящейся физіономіей и огромной лысиной, въ которой солнце отражалось, какъ въ зеркалѣ. Фигура была одѣта въ старыя халаты, подпоясанныя веревкою.

— Васъ-то мнѣ и нужно, сказалъ Сухопарый: — я вѣдь назначенъ принять отъ васъ команду.

— Малости просимъ въ горницу, кланаясь, говорилъ Араратовъ, пропуская Сухопарого: — тамъ и потолкуемъ.

— Ну-съ! такъ вы за меня и командовать-то будете? продолжая начатый разговоръ, сказалъ Араратовъ, садясь на скамью: — да сперва-наперво водочки-то не угодно ли? Ну, не угодно, такъ какъ хотите. Оно и жарко! — Эка прѣль какая! добавилъ онъ, вытирая платкомъ лицо и лысину.

— А я думалъ, что застапу васъ въ постели? сказалъ Сухопарый: — вы вѣдь рапортовались больнымъ?

— Да оно не то, чтобы ужь очень, а все-таки, знаете, ноги у меня все пухнуть, да и поясница. Вѣдь не ваши-то года, не молодые.

— Да вы бы, въ самомъ дѣлѣ, отдохнули. Я вѣдь, какъ приму команду и лошадей, такъ вамъ безпокоиться будетъ не надо.

— Какъ команду и лошадей? съ любопытствомъ сказалъ Аратовъ.

— Такъ, по приказу.

— Гм! Да вамъ-то изъ-за чего себя мучить? Я вѣдь такъ боленъ, не то, чтобъ очень: за лошадьми-то и самъ присмотрю: продовольствовать-то я буду. Я, знаете, мундириска-то одѣть не могу да сапоговъ. Ну, не ровень часъ, начальство прїѣдетъ—не ловко: я и рапортовался больнымъ. А ужь хозяйствомъ-то я заправлять буду, ужь вы себя-то не утруждайте въ эвтемъ! Здѣсь вѣдь и въ халатникѣ пойдти можно.

— Конечно. Я нарочно сюда переѣду, ну, и буду въ халатѣ ходить и смотрѣть за всѣмъ. А теперъ прикажите-ка явится фельдфебелю: я ему объявлю при васъ, чтобы ужь онъ теперъ во всемъ относился ко мнѣ. А вы передайте мнѣ ваши счета и деньги на продовольствіе.

— Э! да нѣтъ! Да зачѣмъ вамъ на себя рукп-то накладывать? Вѣдь это хлопотливо больно! Ужь лошадокъ-то я буду кормить.

— Нѣтъ! отдали въ приказѣ, такъ я иначе команды не приму!

— Такъ безъ эвтого не примете никакимъ манеромъ?

— Никакимъ.

— Экое дѣло-то поди! Вѣдь вотъ только сапожнишекъ-то надѣть не могу, а то опять бы здоровымъ рапортовался!

Оба замолчали навремя.

— Такъ прикажите же позвать фельдфебеля! рѣшительно сказалъ Сухопарый.

— Нѣтъ ужь лучше я самъ, ужь я рапортъ-то подамъ. А то что жъ хозяйство-то передавать! съ раздумьемъ добавилъ Аратовъ.

— Ну, и дѣлю! Сегодня же подавайте; а я ужь больше сюда и не покажусь. — До свиданія! сказалъ Сухопарый, приподнимаясь съ мѣста и протягивая руку Аратову.

— Да посидите, поручикъ, заговорилъ тотъ: — посмотрите, вѣдь жарить-то какъ! какъ въ печкѣ! Вѣдь не по сусѣдству живете. Дайте и коню вздохнуть.

— Да онъ ужь отдохнулъ.

— Ну, да какъ васъ звать-то, о сю пору не знаю. Вотъ поди, какой я-то глухой: и не спрошу, какъ величать-то васъ.

— Михайло Семенычъ.

— Ну посидите, съ часокъ, Михайло Семенычъ! Куда вамъ торопиться-то?

— Хорошо, хорошо! сказалъ Сухопарый: — еще съ полчаса посижу, а тамъ и въ путь: надо засвѣтло домой доѣхать.

— Ну, и дѣло! успокоившись, началъ Араратовъ. снова сядя на мѣсто: — а ужь куда нончи-то время трудно, прости Господи! продолжалъ онъ: — вѣдь вотъ начальство въ наше положеніе и не войдетъ; придетъ, посмотритъ. «А что, говоритъ, у тебя лошади-то на кошекъ похожи? видно, солону только и знаютъ?» Это вотъ нашъ бригадный-то форсистъ, куда форсистъ! Нашъ-то что — ничего! Ему бы только трубочка Жукова табачку, онъ себѣ и не заглянетъ никуда. Я и говорю: «Ваше превосходительство, сами изволите знать, что въ походѣ въ зимнее время претерпѣвали? и Французъ того въ нашествіе не испытывалъ.» — «А самъ-то ты отчего жь, говоритъ, на лабазнаго-то кота похожъ? тоже, говоритъ, отъ трудностей? На тебя, говоритъ, хорошо дѣйствуетъ, а на лошадей худо?» Я говорю: «шутить изволите, ваше превосходительство!» — «Я тебѣ, говоритъ, пошучу! а чтобы у меня лошади въ недѣлю были не тѣ!» Ну и кормлю теперь, въ убытокъ себѣ кормлю.

— А что, развѣ вамъ, въ самомъ дѣлѣ, въ походѣ было трудно? спросилъ Сухопарый.

— Да ужь такъ-то трудно, что и не накажи Господи! Вѣдь вотъ посудите сами, Михайло Семенычъ, возьмите въ резонъ: шли мы на колесахъ, а снѣги-то по обѣимъ сторонамъ словно стѣны, тяжесть, лошади падаютъ, телѣги тожь. Поставили на сани да съ колесами — и того хуже! А тутъ артиллерія прошла, а дорога-то была мартовская, въ ухабахъ, и они ее до грунту-то прорѣзали. Ну, нѣтъ просто способа обозу влечь. Ну, обыкновенно и придешь на станцію позже, чѣмъ штабъ. А тутъ адъютантъ бѣжить: «что вы, говоритъ, вѣрно, у всѣхъ кабаковъ останавливались по дорогѣ?» а тутъ казначей: «а гдѣ моя постель?»

а тамъ человѣкъ генеральскій — ну, вѣдать тебя всѣ поѣдомъ! Я и давай раньше выходить, а лошадямъ—то все отдыху меньше да меньше. Изморились совсѣмъ. Иной разъ и десяти верстъ не уйдешь, а потомъ на дневкѣ и догоняешь. Въ полѣ ночевалъ сколько разъ въ метель да въ вьюгу! Какъ подъ Полтавой—то насъ захватило: всего три версты отошли и никуда — я и назадъ. За людьми послалъ — нѣтъ, и людей не дали: такова погода была. Я такъ и остался почевать, самъ въ фургонъ забился, солдаты тожь, а лошади—то на морозѣ да безъ фуража! Господи Ты Боже мой! возопилъ я, какъ все стемнѣло; вѣтеръ—то въ степи такъ и воетъ и стонетъ, и снѣгомъ—то тебя заносить. Разъ, думалъ я, привелъ Господь этакое несчастіе спытать, а тутъ и подъ старость! Въ первый—то разъ, Михайло Семенычъ, я еще рекрутикомъ былъ, служилъ въ уланахъ, въ тридцатомъ годѣ. Вотъ тоже зимой, въ метель такую, что и зги не видать, на аванпостъ поставили, да сейчасъ за мѣстечкомъ. Ужь я то думаю: гдѣ тутъ Поляку въ этакую погоду пройти—напрасно людей мучить! Заколѣлъ—то я какъ собака; а мой товарищъ, тотъ ужъ старый солдатъ былъ, говорить: «Араратушка! ты тутъ постой, за конемъ моимъ посмотри. Теперъ никакого тебѣ дьявола не будетъ въ объѣздъ объѣзжать, а я тутъ неподальчку сбѣгаю да и тебѣ стакашку поднесу!» Попуталъ меня сатана: «ступай, говорю, Ѳомичъ! только, говорю, не больно мѣшкайся.» Ушелъ онъ, а мнѣ такъ одному ну такъ нудно стало: вездѣ—то Поляки мерещутся; ужъ про холодъ и забылъ. А тутъ и другая лошадь на рукахъ. Вдругъ слышу, идетъ. Я ужъ давно и карабинъ опустилъ. А сердце—то въ груди такъ и прыгаетъ. «Ты, говоритъ, Араратушка? Ахъ, пострѣлъ тебя возьми! экъ напугалъ! какъ тебя нелегкая—то отъ непріятеля понесла?» А онъ—то, товарищъ, къ коню подошелъ, поцанался да тутъ подъ ноги ему и свалился: хмѣленъ былъ совсѣмъ! Ужь какъ онъ пьяный—то до меня добрелъ, Господь его вѣдаетъ! Упалъ да и стогнетъ... воетъ просто. Кони давай фыркать, испужались, бьютъ, а вѣтеръ—то все пуще, темнота, а впереди все огонька блестятъ. Ужь напугался я, всѣхъ святыхъ призывалъ. Ужь думалъ: еще Поляки пойдутъ, или просто мимо пройдутъ, а я и выстрѣлить не могу. Да и самому—то боязно. Тутъ и черти на умъ идутъ. Ну, пропади моя головушка, брошу все, только бы съ эстаго проклятаго мѣста долой; а тамъ хоть завтра голову снимай. Слава Те Христе! вдругъ на смѣну при-

шли. Товарища подобрали; принадокъ, говорятъ, съ нимъ; за хмѣльнаго-то не сочли. Такъ послѣ, знаете, и самому-то совѣстно было признаться, что своего-то товарища больше сатаны испужался да съ испугу-то хотѣлъ бѣжать.

— Да, скверное положеніе! сказалъ Сухопарый.

— Какъ не скверно. А тутъ, почитай, было не лучше. Еще отвѣтственности-то больше.

— А вы давно въ полку?

— Да съ десятокъ лѣтъ будетъ. Ужъ всего насмотрѣлся — и хорошаго и худаго. Спервоначала скучновато было; тутъ и съ господами офицерами были тожъ непріятности, задумчиво произнесъ Араратовъ: — а теперь опять особнякомъ живу. Вотъ съ однимъ аудиторомъ... Иванъ Васильчъ... изволите знать? прикраснѣющей человѣкъ!

— Какъ же, знаю. Кажется, выпить любить?

— Да-съ, зашибаетъ маненько! Вѣдь тожъ со скуки-то ему и приходилось къ рюмочкѣ-то приложиться. И съ нимъ тожъ бывали исторіи. Слава Те Христе! теперь прежніе-то господа повывелись, а прежде, Господи Твоя воля, въ глаза, кажись, и хорошъ съ тобой, чуть въ уста не цѣлуетъ, смотришь и растаешь; а это онъ издѣвается надъ тобой. Богъ съ нимъ! Ужъ меня лучше въ глаза прямо обругай: ну, я и не войду къ тебѣ! Вотъ, изволили знать... да, кажись, вы его не застали, Филимонова, Александра Ивановича?

— Слышалъ; только его при мнѣ уже не было.

— Онъ въ отставку подалъ. Такъ вотъ онъ.... богатѣющей былъ человѣкъ! Папенька-то всего ему двѣ тысячи цѣлковыхъ въ годъ посылалъ, а каждый годъ приплачивалъ долговъ тысячь десять, пятнадцать! Ужъ что онъ изъ себя дѣлалъ, Христось его знаетъ. Весь въ каску съ ушами спрячется; рукава у сертука, какъ у попа, руки-то до плечъ видны; сертукъ по пяты, да такой, что въ него бы два Александра Иваныча влѣзло; эполеты всегда висятъ на груди; а штанишки узенькія-преузенькія. Ужъ такой былъ и на слово нехорошій. Я все отъ него подальше. Только онъ все ко мнѣ. Разъ подходитъ: «Честь имѣю, говорить, представиться; хочу непременно съ вами знакомство свестъ.» А тутъ сейчасъ завтракъ подали; онъ бутылку поставилъ. «Мы, говорить, съ вами, Василій Васильчъ, выпьемъ». И выпили. Ужъ такой-то онъ

добрый со мною сталъ. Я и думаю: «вѣдь вотъ вельможа и съ виду—то такой господишъ, а вѣдь какой простой да добрый!» А онъ, знаете, со мной и въ каретѣ ѣздитъ, и завтраками—то кормитъ. Я у него и сплю и ѣмъ. «Ты говорить, Васильюшко, въ моей къ тебѣ расположенности навѣки нерушимой, николи не сумлѣвайся.» Я жъ съ дуру и повѣрь, въ петлю за него лѣзть былъ готовъ. Ужъ миѣ одинъ мой товаришъ говорить: «Эй, Василій Васильичъ, не пара онъ тебѣ; издѣвается онъ надъ тобой.» Я же за это товарища обругалъ; говорю: «изъ зависти человѣка—то ты поносишь». Только разъ и говорить миѣ Александръ Ивановичъ: «пойдемъ, говорить, Васильюшко, въ клубъ: сегодня балъ будетъ. Я тебя, говорить, тамъ дамамъ приставлю: изъ тебя хочу кавалера сдѣлать». Я—то съ дуру и пойди! Вотъ мы пришли вдвоемъ. Вездѣ свѣчи, свѣту множество! всѣ такіе разнаряженные! А мы вошли послѣ всѣхъ, когда уже танецъ плясали. Юдато, Александръ Ивановичъ. и возьми меня подъ руку да прямо къ одной барынѣ и ведеть. А я ужъ зналъ, что онъ у нея, какъ здѣсь Молдаване говорятъ, въ амурезахъ состоялъ. Вотъ, подводитъ онъ меня: рекомендую, говорить, вамъ лучшаго моего друга и распріятеля, лысаго волка Василья Васильевича Араратова. Ужъ это—то миѣ не пондравилось. Я и говорю, что я не лысый волкъ, а поручикъ Араратовъ, а барыня—то платочкомъ закрывается. Я разсерчалъ, руку у него вынулъ да и пошелъ одинъ; онъ за мной да въ буфетъ, а тамъ, почитай, ужъ весь полкъ былъ—кто курилъ, кто такъ проклаждался. Только Александръ Ивановичъ за мной да всѣмъ и говорить: «господа! другъ мой Васильюшко на меня осерчалъ, такъ вы разсудите мірскимъ судомъ». Его—то, знаете, не всѣ сразу услышали, а кто поблизости, ужъ поворотились и смотрять. А онъ—то говорить: не всѣ слышать! надо, молъ, сигналъ подать, въ колоколъ ударить! да какъ рѣзнетъ меня, да прямо по лысинѣ. Всѣ обернулись да въ одинъ голосъ и засмѣялись. Только тутъ и зло меня взяло: «нѣтъ, я говорю, Александръ Ивановичъ, ужъ ты языкомъ—то мели, а рукавъ воли не давай! Вижу, ты издѣвался надо мной—ну, да я простой человѣкъ: не миѣ, а тебѣ стыдно!» А онъ—то ко миѣ: «я, говорить, васъ, Василій Васильичъ, оскорбилъ, по своему неразумію, смертельно и готовъ хоша сію минуту съ вами на поединокъ выйти на всякомъ оружіи, хоша на пушкахъ могу васъ удовлетворить». А я ему. и говорю: «нѣтъ, шутишь! ужъ ты самъ своимъ стыдомъ казнися, а изъ—за тебя я

солдатской шинели не надѣну и на поединокъ съ тобой не пойду!» А онъ-то ко мнѣ какъ бросится: «Васильюшко! я васъ разобидилъ! на поединокъ вы идти не хотите. Я съ васъ это пятно тотчасъ же сыму: въ самое это мѣсто поцѣлую!» да такъ къ моей лысинѣ-то губами и припалъ. Я такъ и остолбенѣлъ, а онъ такъ губами и чмокаетъ! А его-то товарищи, знай, хохочутъ. Опамятовался я, оттолкнулъ его: «Безстыжіе твои глаза, Александръ Иванычъ! вздумалъ этакимъ манеромъ надъ человѣкомъ издѣваться? Да и я-то, старый дуракъ, что повѣрилъ тебѣ. Хоша ты и дворянинъ, и вельможа, хоша ты и поединокъ предлагалъ, да это такъ, для виду, а будь тебѣ вѣчное и страмъ и поношеніе. Даже слеза прошибла меня. Я и пошелъ. А тутъ вышелъ одинъ—дай ему Богъ здоровья—меня остановилъ да Филимонову-то и говоритъ: шутки шуткамъ рознь, а такъ человѣка обижать не слѣдъ. Иной и богатый, и дворянинъ, а фурштатскаго офицера не стоитъ! Если вы, говорить, сейчасъ же хорошенько прошенія у Василья Васильича не попросите, то вы знаете, кто я? Филимоновъ-то и не дослушалъ, а весь-то побѣлѣлъ, да ко мнѣ: взялъ меня за руку да сурьезно о прошеніи помолить. Взялъ я отъ него руку: «Богъ тебѣ судья, Александръ Иванычъ! обидѣлъ ты меня, простаго человѣка! Богъ видитъ, не завтраки твои—тебя любилъ! не надо мнѣ и прошенія твоего!» А потомъ этого-то офицера Филимоновъ-то пуще огня боялся. А, ужъ какой онъ-то, Александро-то Иванычъ, надругатель былъ: вѣдъ всякаго-то онъ обсмѣетъ и обхаеетъ, да такъ, что и самъ съ нимъ зубы-то скалншь, и не въ доめкъ, что онъ надъ тобой же издѣвается. Ужъ вотъ тоже аудитору нашему да младшему доктору отъ него доставалось. Ну, извѣстно, штатскій чинъ: офицеры всѣ завсегда и норовятъ, какъ бы подтрунить. А онъ нешто не такой же человѣкъ?

Араратовъ замолкъ.

— Однако, время, Василій Васильичъ, пора мнѣ и ѣхать, прощайте, сказалъ Сухопарый. — Послушалъ бы васъ еще, да некогда. Къ намъ милости просимъ. А ужъ я больше сюда не приѣду. Вы вѣдъ сегодня рапортъ подаете?

— Сегодня, сегодня, Михайло Семенычъ, а къ вамъ сберусь. Ужъ Юлія-то Петровича, вашего-то эскадроннаго, какъ забыть? Ужъ вотъ человѣкъ—и нашимъ братомъ не гнушается. Ну, за это онъ и былъ, что съ Филимоновымъ-то: такъ какъ же забыть душу-то такую золотую? Ужъ за то какъ же его здѣсь-то

у насъ, въ штабу, и подковать бы хотѣли! да нѣтъ, правда-то не свой братъ: ровно что пробка на водѣ, развѣ только съ камнемъ утопишь! А вотъ поди, Шведъ, а какая душа-то у него ангельская да правдивая!

Еще разъ пожавъ руку Араратову, Сухопарый пошелъ къ своему коню, которому ужъ надоѣло стоять у казначейской квартиры и хотѣлось къ себѣ домой, въ свою компанію.

Живую иноходью шелъ конь обратно изъ штаба, направляясь на бѣлую, высокую, какъ стрѣлка, церковь. Скоро показалась и зелень и между нею бѣлыя пятнышки молдавскихъ хать. Чувствовалъ конь приближеніе къ дому и прибавлялъ ходу безъ всякаго понужденія всадника, который и не замѣтилъ, какъ онъ доѣхалъ до постоялаго двора.

Былъ уже девятый часъ вечера. Лиліенштернъ и Сухопарый сидѣли на каменныхъ ступенькахъ дома князей Кантакузиныхъ, курили и о чемъ-то толковали, посматривая вдаль. Солнце уже спустилось за синія горы, сумерки садились на землю. Вся долина такъ и открывалась съ крыльца. Глазъ сначала тѣшился на близкой, темной зелени сада, спускался съ нея подъ гору, а тамъ дальше бѣжалъ по долинѣ. Хороша была эта долина, когда солнце садилось, когда пропадалъ сѣровато-грязный цвѣтъ холмовъ. Вездѣ какъ будто прошибалъ красноватый оттѣнокъ отъ вечернихъ лучей.

— Что это за исторія съ Никитинымъ? спросилъ Сухопарый:—миѣ было началъ рассказывать разочарованный Тыртовъ, да онъ самъ подошелъ: тотъ и не кончилъ.

— Да извѣстно, какаѣ, сказала Лиліенштернъ, пускаѣ клубъ дыма:— Никитинъ увезъ одну дѣвушку изъ очень порядочнаго семейства. Тутъ были и слезы, и проклятія, и позднее раскаяніе,—однимъ словомъ, все, что дѣлается въ подобныхъ случаяхъ. Жалко ту несчастную!

— Ну, чѣмъ же кончилась исторія?

— Да ничѣмъ! потолковали, да и перестали.

— А что правда, что миѣ рассказывалъ Араратовъ про Филимонова, что тотъ его въ клубѣ, публично, ради потѣхи, хватилъ по лысинѣ?

— Гм! наклонивъ голову, сказала Лиліенштернъ:— правда, Филимоновъ, это былъ такой шлопутъ. Спасибо, что еще изъ полка вытолкали... недолго держался. Отецъ его, имѣетъ огромное состояніе, а сынокъ проматывалъ ежегодно Богъ

знаеть что, и всегда былъ безъ денегъ. Вы, вѣрно, слышали, какъ онъ, Пурлевичъ и Макаровъ помадой колеса подмазывали?

— Слышать-то слышалъ, да, признаюсь, не вѣрилось!

— Нѣтъ, это правда. Филимоновъ имѣлъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ огромный кредитъ. Иногда вдругъ получали отъ него приглашеніе на завтракъ, но съ своимъ хлѣбомъ. Ужь это и знали—покупали хлѣбъ и приходили. Чего у него не было! Столы ломились отъ сыровъ, отъ различныхъ солений... чортъ знаетъ, чего не было! Шампанское дюжинами! Винъ другихъ безъ счету. Все это вѣрилось въ долгъ и бралось за все вдвое или втрое. Однѣ только булочныя да мелочныя лавочки ничего не вѣрили, а потому хлѣба въ долгъ достать было нельзя. Разъ эта почтенная тройка отправилась куда-то за городъ, на своихъ лошадяхъ, и на намазанной телѣжкѣ проѣхали черезъ городъ — скрипъ такой, что слушать нельзя. Оказалось, что у всѣхъ тронихъ въ карманѣ, что говорится, ни шиша, а потому не только сала, да и дегтю купить было не на что. А припомните, что одинъ Филимоновъ спускалъ тысячь пятнадцать въ годъ. Товарищи было призадумались, а онъ нѣтъ: прямо къ магазину, гдѣ разныя туалетныя принадлежности продають. Есть мусатовская помада? Есть-съ! Давай всю, сколько найдешь! Вынесли ему банокъ тридцать или пятьдесятъ. Мажь колеса! Публика была въ восторгѣ, и офицеры поѣхали. Черезъ полчаса, весь городъ зналъ, что Филимоновъ помадой оси мажетъ. Конечно, всѣ также знали, что сала было купить не на что. Жалко, что Макаровъ потянулся за нимъ. Этому было сполна-горя кутить: у отца заплатить было чѣмъ, а Макаровъ весь свой капиталъ въ два, три года просадилъ, и теперь безъ ничего!

— Гдѣ худаго нѣтъ! добавилъ Лиліенштернъ, нѣсколько подумавъ. — Семья не безъ урода! А за то сколько можно насчитать, дѣйствительно, хорошихъ офицеровъ, напримѣръ: Вознесенскій, Вороничъ, Севрюгинъ, Коротневъ... да и не мало ихъ, слава Богу! Съ ними жить и служить можно!

Нѣсколько минутъ сидѣли, молча, Лиліенштернъ и Супохарый. Темная ночь густою черною пеленою окутала бльжайшіе предметы и скрыла даль. Въ селѣ засверкали огоньки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

— Слушай, и-и! громко и протяжно раздалось подъ горою.

— Слушай, и-и!! принялъ другой голосъ, на концѣ села, и долго-долго тянулъ послѣдній слогъ, видимо щеголяя могучею силою солдатской груди.

Эффектно прокатилось въ ночной тиши послѣднее «слушай!» Долго-долго съ перекатами длилось оно и отозвалось въ долину.

— Юлій Петровичъ! фурштатъ! гдѣ вы? раздался вдругъ невдалекѣ веселый голосокъ младшаго Кругликова.

— Здѣсь! здѣсь! очнувшись, сказали оба вдругъ Лиліенштернъ и Сухопарый.

— А мы сейчасъ только изъ 8 эскадрона съ братомъ приѣхали, говорилъ Жоржинька, подходя къ нимъ: — братъ дома готовить чай. Пойдемте-ка. Полно философствовать! Вѣрно, на-толковались довольно.

— А вы, фурштатъ, отчего не въ штабѣ? сиромилъ онъ вдругъ Сухопараго.

— Да Араратовъ сегодня рапортуется здоровымъ, а потому я, попрежнему, остаюсь здѣсь же — буду васъ наставлять уму-разуму!

— Дѣльно! Значить, мы съ вами будемъ воевать, попрежнему. А теперь пойдемте-ка пить чай... Ну, публика, подымайтесь! Маршъ! добавилъ онъ, отыскавъ въ темнотѣ обоихъ офицеровъ и таща ихъ за руки вопъ изъ парка.

ВЕЗЪИМЯННЫЙ.

6 мая
1858 года.